

18+

Марк Дельта

Римская карусель

Первая книга цикла «Время орбенавтов»



Марк Дельта
Римская карусель.
Первая книга цикла
«Время орбиनावтов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64771002

ISBN 9785005350725

Аннотация

Маленькая Кассия Луцилла, дочь римского всадника, спасает себя и свою семью, изменив уже происшедшие события и даже не поняв, насколько удивительное действие она совершила. Впоследствии она обнаруживает, что подобного дара влиять на ход времени у других людей нет. Кассия верит, что некое божество одарило ее невероятными способностями, избрав с какой-то неведомой целью. Теперь ее жизнь посвящена поискам тайного божества. Волнующие события романа заставляют читать книгу на одном дыхании.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	65
Глава 2	119
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Римская карусель
Первая книга цикла
«Время орбиनावтов»

Марк Дельта

© Марк Дельта, 2021

ISBN 978-5-0053-5072-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0053-5073-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Молчи, прошу, не смей меня будить.

О, в этот век преступный и постыдный

Не жить, не чувствовать – удел завидный...

Отрадно спать, отрадней камнем быть.

Микеланджело¹

В промозглое мартовское утро 1527 года Риккардо Понти, преодолев всегдашнюю свою робость, столь часто сопровождающую двадцатилетний возраст, недостаток манер, отсутствие знатного происхождения и внешность тучного верзилы, набрался мужества и решил разбудить «спящую красавицу». Это решение так удивило его своей очевидностью и неотложностью, что он чуть было не полоснул бритвой по щеке судью Гвидо Туччи.

– Поаккуратнее, Риккардо, не смешивай бритье с кровопусканием! – мессер Туччи отдернул голову, отчего складки на тощей шее придали ему сходство с рассерженным петухом. – Клянусь апостолом Петром, в Риме и без тебя хватает цирюльников! Я не буду слишком долго терпеть подобную рассеянность только из уважения к твоему покойному отцу.

Риккардо пробормотал невнятные извинения и постарался больше не отвлекаться от работы. В этот день он побы-

¹ Перевод Ф. И. Тютчева.

вал еще у нескольких своих клиентов. Лишь после посещения синьора Тарантини, которому он аккуратно вправил вывих, молодой цирюльник, отправившись домой, смог наконец предаться без помех размышлениям о спящей девушке. Он не знал, чему больше удивляться: смелости своего неожиданного решения или тому, что оно так долго в нем зрело.

С холма Пинчо Риккардо спустился на равнинную часть города, минуя церковь Санта-Мария-дель-Пополо, и углубился в хитросплетение узких улочек, двигаясь по направлению к городскому рынку, что раскинулся на площади Навона. Прямо над головой в просвете туч еще виднелись светлые проплешины неба, но на востоке, над Квириналом, оно уже стало темно-свинцовым и непроницаемым.

Мул, на котором восседал Риккардо, покорно нес свою грузную ношу через улицы и переулки Вечного города, мимо теснящихся домов с черепичными крышами и внутренними двориками, мимо сосен, пиний и олив, мимо горделивых палаццо и знаменитых церквей, украшенных фресками и скульптурами работы прославленных мастеров со всей Италии. Улицы утопали в грязи, на папертях сидели нищие и калеки в лохмотьях. Не замечая этой смеси самой необыкновенной красоты и весьма обыкновенного уродства, Риккардо, ежась, кутаясь в черный плащ, натягивая на уши под порывами сырого ветра высокий берет из темно-синего сукна, думал о златовласой незнакомке, которую в его семье на-

зывали между собой Безымянной.

Дорогу несколько раз приходилось уступать группам хмурых вооруженных всадников. Их лошади фыркали и цокали копытами, их металл лязгал, к древкам их копий были привязаны вымпелы с двумя черными полосами. Всадники держали путь к Тибру – и дальше, к городским воротам. Доспехи блестели, когда на них падали редкие лучи солнца.

В октябре прошлого года неустрашимый кондотьер Джованни де» Медичи, прозванный Большим Дьяволом и Джованни Черных Полос, привел своих людей в Рим, заключив договор о защите Папского государства со своим родственником, Климентом VII. Месяц спустя он погиб, сражаясь с ландскнехтами Карла V. Папа, однако, продолжал платить солдатам до тех пор, пока в марте не истек заключенный с Джованни контракт. Теперь отряды наемников покидали Рим, чтобы предложить свои услуги другим государствам Италии.

Два повара, возвращающиеся из палатцо богатого торговца, стояли вместе с Риккардо, ожидая, когда освободится путь, и обсуждая последние новости, слышанные в доме их хозяина.

Повар, стоявший поближе к Риккардо, своим резким и в то же время простуженным голосом отвлек цирюльника от размышлений.

– Скоро в городе не останется ни одного наемника, – сказал он. – И кто же будет защищать Рим, если сюда нагрянет

армия императора?

– Его святейшество договорился с императором о прекращении войны, – возразил второй повар. – Мессер Туллио говорил об этом сегодня своим гостям.

– Ты был в кухне, когда он сказал самое главное, – парировал первый. – Император и папа, может быть, и договорились, да только армия находится всего в нескольких днях пути отсюда, и Карлу нечем платить своим испанским и немецким головорезам. Он просит их подождать еще несколько месяцев, но они очень недовольны и не скрывают этого. Между тем, прямо перед ними лежит незащищенный Рим. По-твоему, голодные ландскнехты, среди которых есть и немало лютеран, ненавидящих нашу церковь, устоят перед таким соблазном?

Отдохнув немного после столь длинной тирады, оратор добавил с видом человека, только что ошеломленного совершенно неожиданной мыслью:

– Как бы нашим властям не пришлось впоследствии объявлять сбор ополчения. Ведь тогда именно нам с тобой выпадет честь отражать атаки испанцев!

– Нам?! – такого поворота его собеседник не ожидал. – Обороняться от пушек и мушкетов ножами для разделки каплунов?

Риккардо был слишком занят своими мыслями и воспоминаниями, чтобы смутная тревога, вызванная этим разговором, переросла во что-то большее. Сейчас он был обеспо-

коен зачастившим дождем и трудным вопросом о том, следует ли ему посвящать Терезу в свой замысел.

Добравшись до дома, цирюльник стянул с головы берет, обнаружив длинные спутанные темные волосы и смуглое молодое лицо с крупными, словно вытесанными из камня носом и губами, скинул плащ и принялся есть приготовленный Терезой ужин. Крошки хлеба застревали в его густых усах, но Риккардо не обращал на это внимания. Потом он с нетерпением дожидался того часа, когда после молитвы на ночь они разошлись по комнатам. Барабанная дробь дождя мешала расслышать мерное сопение тетки. Риккардо пришлось подойти к проему в ее комнату и внимательно прислушаться, чтобы убедиться, что она спит.

Лишь после этого он осторожно, стараясь не шуметь, протиснулся между зеркалом и стеной, повозился с ключом и отворил скрытую зеркалом дверь. Цирюльник шагнул вперед, оказавшись на ведущей вниз узкой винтовой лестнице. Держа свечной огарок и ключи, Риккардо спустился по ступенькам на узкую площадку, где едва могли поместиться два человека, пригнулся, вошел через низкий проход и оказался в подвале.

Это была опрятная комната с мебелью и узкой кроватью, но без окон. Воздух стоял затхлый, здесь трудно было находиться долго. Риккардо зажег несколько стоящих на столе свечей и сел на табурет, придвинув его к постели, где лежала девушка.

В тот далекий день, восемь лет назад, когда отец впервые привел его сюда, Риккардо показалось, что девушка мертва. Он и сейчас, глядя на эту мраморную неподвижность статуи, на равномерную белизну лица и шеи, на золотистые волосы, никогда не бывавшие растрепанными, как у обычных спящих людей, решил бы, тщетно выискивая признаки дыхания, что девушка только что умерла. Он несомненно именно так бы и подумал, если бы ему не доводилось многократно наблюдать ее пробуждения.

Риккардо осторожно отвел локон девушки, лежащий на виске, склонился и на мгновение прильнул к виску губами, в который раз надеясь почувствовать нежный аромат и, как всегда, обманываясь в своих ожиданиях. Кожа девушки ничем не пахла и была ледяной, как у лягушки.

Устыдившись своих действий, молодой цирюльник резко выпрямился на табурете, случайно задев одеяло, накрывавшее Безымянную. Край его сбился в сторону, приоткрыв серую грубую ночную рубашку. Риккардо поправил одеяло, подоткнув его под плечи девушки, как будто она могла замерзнуть.

Тогда, восемь лет, назад испуганный мальчик спросил отца, откуда у них в доме взялась эта девушка. Витторио Понти сказал, что точного ответа не знал даже его собственный дед, прадед Риккардо.

– Она здесь так давно! Сколько же ей лет?! – ахнул маленький Риккардо.

– Не меньше двухсот..., – отец говорил тихим голосом, словно их разговоры могли разбудить Безымянную. – Даже твой прадед не знал, когда она впервые у нас появилась. Никому неизвестно, кто она такая, где она родилась, как сюда попала. Мы только знаем, что это страшная ведьма, и от нее исходит опасность для всех. Да и как бы она могла не стареть столько лет, если бы не была колдуньей? На нашу семью возложена очень важная миссия: мы должны следить за тем, чтобы она продолжала спать. Иначе в мире появится много горя.

– Разве она может проснуться? – мальчик во все глаза смотрел на лежащую на кровати рыжеволосую девушку, не в силах поверить, что она воплощение зла, и что ей больше двухсот лет. Выглядела спящая лет на девятнадцать-двадцать.

Витторио рассказал сыну, что Безымянная просыпается каждый месяц, в ночь полнолуния. Она не может сразу прийти в себя, не понимает, где находится, не помнит даже собственного имени.

– Ей очень хочется пить, и в этот момент ей надо дать вот эту настойку, – отец показал Риккардо пузырек с рубиновой жидкостью из сушеных трав и цветов, рецепт которой хранился в семье с незапамятных времен. – Выпив ее, колдунья снова засыпает до следующего полнолуния.

Члены семьи, узнал Риккардо, спускались сюда каждый день, на всякий случай проверяя, не проснулась ли она

в неурочный час, но такого не случилось ни разу. Очень редко, когда нательная рубашка девушки совсем ветшала, кто-нибудь из женщин Понти переодевал ее.

– Девушка от этого не просыпается, – пояснял Витторио, и слова его раззадоривали воображение мальчика. – Лишь полная луна обладает силой пробудить ее.

Отец строго-настрого наказал Риккардо никогда никому не рассказывать о Безымянной, но сын не удержался уже на следующий день, раскрыв семейную тайну Лоренцо Фарина, своему приятелю по мальчишеским проказам, сыну соседа-булочника. Тот, по счастью, не поверил, поднял Риккардо на смех, и потребовал доказательств. Риккардо тогда еще не знал, где родители хранят ключи от подвала, и ничего доказать не смог. Пришлось ему еще какое-то время терпеть насмешки, но это для него всегда было делом привычным.

Спустя несколько лет Риккардо спросил отца, почему семья не сообщает о ведьме святому правосудию. Разве не правильнее было бы от нее избавиться, чем каждый месяц следить за тем, чтобы она не пробудилась от своего сонного наваждения, прятать ее в подвале, пусть редко – но менять ей одежду? Отец признал, что это безусловно было бы правильнее, но прежние поколения семейства Понти почему-то так не поступали, а сейчас было бы совершенно невозможно объяснить расследователю, как могло произойти, что христианская семья столько лет прячет у себя ведьму.

– Боюсь, сын мой, что в этом случае и твоей матушке,

и мне, и тетушке Терезе, и обоим твоим братьям, и сестре – всем пришлось бы попасть в застенки и узнать на своей шкуре, что такое дыба и раскаленные щипцы. Но и после всего этого они вряд ли поверили бы в нашу невиновность, – заключил Витторио, и этот последний довод окончательно убедил содрогнувшегося сына.

Родители, братья, сестра... Все они тогда еще были живы. Живы до тех пор, пока моровое поветрие, косившее Рим с февраля по июнь 1524 года, не погубило почти всю семью, пощадив лишь Риккардо и толстую, никчемную сестру отца, старую девственницу Терезу с испещренным оспинами лицом. Погружаться в воспоминания было одновременно и сладостно, и больно. Чего бы ни сделал Риккардо, чтобы вернуться в те времена, когда еще не пришла чума, когда матушка упрекала его за какой-нибудь проступок, а старшие братья давали ему тумачков! Но подобные мысли были не только мучительны и бесполезны, – они граничили с бунтом против установленного Господом порядка вещей.

Риккардо взглянул на висящее над изголовьем кровати распятие и перекрестился, мысленно прося у Спасителя прощения за нечестивый образ мыслей.

Имбирный свет, отбрасываемый пляшущими огоньками свечей, прогуливался по лицу Безымянной, отчего порой казалось, что она вот-вот проснется, но Риккардо знал, что это впечатление обманчиво. До полнолуния оставалось целых двое суток.

Каждое ее пробуждение было для него чем-то вроде чуда воскресения Лазаря. Привыкнуть к этому было невозможно. Статуи, – даже такие правдоподобные, как установленная в базилике святого Петра скульптура оплакивания Спасителя, на которой красуется подпись великого флорентийца Микеланджело, – не меняют поз и не открывают век, обнажая зеленые, слегка раскосые, кошачьи глаза. Изваяния не приподнимают левого уголка рта и не закусывают нижней губы. Не встают с места, оглядываясь вокруг себя сонным, подернутым дымкой взглядом. Не издают тяжелых вздохов, ловя ртом воздух. И не приникают с жадностью к кубку с рубиновой настойкой, подносимую цирюльником Риккардо Понти или его теткой Терезой.

В такие мгновения Риккардо поддерживал обмякшую девушку, осторожно опуская ее на кровать и стараясь изо всех сил скрывать от тетки чувства, которые вызывало в нем прикосновение к рыжеволосой колдунье. Но Тереза, как ни была она глупа, о чем-то все же догадывалась и несколько раз заводила разговор, предупреждая, чтобы племянник выкинул глупые мысли из головы и продолжал исправно выполнять наказ Витторио.

Глядя сейчас на неподвижный облик Безымянной, Риккардо вспомнил, как, будучи ребенком, безоговорочно разделял веру всей семьи в злобную сущность спящей златовласки. Но однажды он впервые стал свидетелем ее пробуждения, и его вера пошатнулась. В Безымянной было все: гра-

ция движений, невинность юности, очарование женственности. Все, что угодно, только не зло. Однажды, пытаясь сфокусировать на чем-нибудь затуманенный взгляд, девушка увидела широко раскрытые глаза мальчика и на мгновение улыбнулась ему. Если у Риккардо еще были какие-то сомнения в ее чистоте, то эта улыбка стерла их, не оставив следа.

Совсем недавно, в принадлежавшем Филиппо Ормани трактире «Погребок Филиппо» уже взрослый Риккардо услышал от пришлого краснобая, коверкавшего язык на свой потешный венецианский лад, историю о прекрасной принцессе, заснувшей от укола веретена, ибо на нее было наложено заклятье оскорбленной волшебницы.

Тогда-то до Риккардо и дошло истинное понимание дел, и ему стало невыносимо скорбно от того, что родных больше нет в живых, и он не может поделиться с ними своим открытием. Девушка, уже не первое столетие спящая в подвале семейства Понти, была не носителем зла, а наоборот, – жертвой злых чар! Это объясняло все: и ее неподверженность старению, и этот ее жуткий, мертвенный сон статуи, и ее изящные, сулящие наслаждение губы, и ту незабываемую давнюю слабую улыбку кошачьих глаз...

Риккардо погасил все свечи, кроме принесенного им с собой огарка, и, бросив прощальный взгляд на спящее чудо, поднялся по винтовой лестнице. Обогнув зеркало и войдя в гостиную, он столкнулся с поджидавшей его Терезой

и от неожиданности чуть не выронил свечу на дощатый пол.
– Опять за свое! – Накинулась на него тетка. – Снова сидишь по ночам в подвале и похотливо глазеешь на исчадь ада!

Негодование и усталость вкупе с оспинами придавали толстухе столь несчастный вид, что досада Риккардо сменилась на жалость.

– Я просто забыл там кое-что в прошлый раз, – сказал он примирительно. – Ложитесь спать, тетушка.

Не слушая ее причитаний и обличений, он отправился в свою комнату. Вопрос о том, следует ли посвятить Терезу в его планы, как-то отпал сам собой.

* * *

На следующий день было теплее, лужи стали подсыхать, кипарисы, масличные деревья, сосны, ранняя весенняя трава – все словно радовалось лучам солнца. Трактир Филиппо находился почти у самой реки, из его двора была видна цилиндрическая громада Замка Святого Ангела на другой стороне Тибра. «Погребок Филиппо» располагался всего в четверти часа ходьбы от Пьяцца Навона, возле которой жил Риккардо. Ближе к вечеру цирюльник отправился туда пешком, не беспокоя серого четвероногого друга.

В «Погребке» застолье было в разгаре. Риккардо был встречен радостными приветствиями своего друга детства,

Лоренцо Фарина, ныне студента права римского университета «Ла-Сапиенца», сидевшего в шумной компании нескольких мужчин. Риккардо помахал рукой, сделал знак, что скоро присоединится к ним, и отправился напрямиком к трактирщику. После короткого разговора Филиппо отвел его за перегородку. Оглядев стоящие на полках бутылки с разными винами, Риккардо указал на одно из них.

– Это, конечно, не мое дело, синьор Понти, – не удержался Филиппо, – но если уж вы любитель греческих вин, я предложил бы вам нечто поинтереснее. Вот, попробуйте, – повозившись в углу, он принес оттуда стаканчик с вином и подал его Риккардо, звучно причмокивая губами и жмуря глаза от воображаемого удовольствия.

Однако цирюльник, вместо того, чтобы пригубить напиток, поднес стаканчик к светильнику и, разглядев его, отверг. Его интересовал не вкус, а цвет, и он настоял на своем первоначальном выборе. Филиппо, пожав плечами, наполнил склянку, протянутую ему Риккардо. Спрятав сосуд с рубиновым вином в мешочек, Риккардо вышел в зал и подсел к веселой компании.

Как обычно, собеседниками студента были в основном тосканцы. Лоренцо почему-то очень нравилось общество всех этих флорентийцев, пизанцев, сиенцев, аретинцев. Возможно, потому, что они умели ценить его красивую болтовню, тем более, что он, как было принято в просвещенной среде, считал тосканский диалект образцом правильной ре-

чи.

Проживавшие в Риме выходцы из различных итальянских государств – герцогств, княжеств, республик – старались по возможности держаться своих земляков. В разговорах часто звучало слово «нация». Миланская нация, флорентийская нация, генуэзская нация... Тосканцы, и особенно флорентийцы, гордились своей «национальной» принадлежностью не меньше, если не больше, чем все остальные. Теперь у них появился и формальный повод: нынешним понтификом был представитель флорентийского правящего рода Медичи.

Знаменитый мыслитель и политик Никколо Макиавелли, которому в марте 1527 года оставалось жить еще несколько месяцев, считал, что все эти «нации» неизбежно будут оставаться легкой добычей владык Франции и Священной Римской империи до тех пор, пока они, осознав, что являются единым итальянским народом, не сбросят местных тиранов и олигархов и не объединятся под властью одного правителя. Он написал об этом монументальный труд «Государь». Но флорентийцы, с которыми любил беседовать на подобные темы Лоренцо Фарина, не соглашались с Макиавелли, в то же время безмерно гордясь тем, что он их соотечественник.

– Таковы наши правители! – завершил Лоренцо длинную речь, чьего начала Риккардо не застал. Как обычно, Лоренцо был душой компании. Сейчас он вызвал общий смех тем, что назвал Климента VII не «пара Clemente», а «пара chi

mente» – «папа, который лжет». Риккардо знал, что Лоренцо повторяет шутку, придуманную известным писателем Пьетро Аретино, – сын булочника боготворил этого знаменитого остролиста. Разумеется, Риккардо не стал выдавать приятеля.

Все вдруг заговорили разом. Кто-то резко осуждал недалёковидность властей, допускающих уход из города отрядов Джованни Медичи, кто-то говорил, что папе виднее, как поступить, и что Карл V, император-испанец и ревностный католик, никогда не подвергнет нападению Рим, самое сердце католического мира.

– Имперской армией на территории Италии командует бывший коннетабль Франции Шарль де Бурбон, – возразил Лоренцо, не любивший надолго уступать другим роль главного оратора. – Это заклятый враг Франциска Первого, убежденный, что трон Франции должен по праву принадлежать не Валуа, а Бурбонам. Именно он командовал испанскими мушкетерами в битве при Павии и взял Франциска в плен. Позже он очень сильно возражал против освобождения короля, но император его не послушал. До тех пор, пока папа Климент находится в союзе с Франциском, Бурбон способен нанести удар по Риму, даже невзирая на прямой запрет императора.

Опять все зашумели, возражая и соглашаясь.

– Если вы правы, то папа, допускающий уход из города отрядов «Черных Полос», подвергает Рим страшной опасно-

сти, – воскликнул один из собеседников Лоренцо. – Швейцарской гвардии и городского ополчения наверняка не хватит, чтобы остановить армию Бурбона. Неужели вы считаете, что папа и его кардиналы не способны понять столь простые истины, которые без труда понимаем мы с вами?

– О, дело тут не в неспособности понять, а в неспособности отдать! – с жаром возразил Лоренцо, вызвав смешки. – Если наши кардиналы будут платить наемникам, то где возьмут они деньги на роскошные пиры, после которых выбрасывают серебряную посуду в Тибр? Как смогут тогда оплачивать дары для своих фавориток? Где найдут средства, чтобы растить в роскоши своих рожденных в грехе отпрысков и покупать им герцогские титулы?

– Вы говорите как нечестивые последователи Лютера! – выкрикнул с негодованием длинноносый пизанец средних лет и с грохотом поставил кружку на стол, задев солонку и просыпав соль.

– Вовсе нет! – резко парировал студент. – О жадности прелатов говорила еще двести лет назад ваша тосканская соотечественница, святая Екатерина Сиенская.

Он сделал паузу, оглядывая собеседников, чтобы цитата прозвучала более эффектно:

– «Вы превратили десять заповедей в одну: *Несите нам денег*» – это ее слова!

Собутыльники смеялись, пили, шумели, спорили. Риккардо, опасаясь, как бы его друг не накликал беду слишком

вольными речами, уговорил его уйти.

К вечеру похолодало, воздух приятно освежал лицо. Захмелевший студент, поддерживаемый крепкой рукой цирюльника, трезвел медленно. Он еще какое-то время продолжал обличать алчность и корыстолюбие иерархов церкви, повторяя фразу: «Лютер возник не случайно!», зачем-то вспомнил папу Александра VI из дома Борджиа, называя его «чудовищем разврата» и «несчастьем для церкви».

Риккардо пытался урезонить студента и все твердил, что подобные разговоры до добра не доведут.

Риккардо очень гордился другом. Трудно было поверить, глядя на ангелоподобное лицо и завитые каштановые кудряшки этого изящного франта, на разноцветные рукава с раздутыми буфами и широкополую шляпу с пером, что он был отпрыском простого булочника Уго Фарина. Старшие сыновья Уго работали с отцом в пекарне, а младшего он отдал в университет, для чего много лет копил деньги. Лоренцо, с детства поражавший всех остротой ума и языка, не подвел ожиданий семьи. Учился он легко, без усилий запоминал материал любой сложности, и к настоящему времени уже неплохо разбирался в праве и в других науках, мог прочитать запутанный схоластический трактат на латыни.

Что привязывало его к малообразованному тугодуму Риккардо? Годы детской дружбы? Возможность блистать перед недалеким приятелем? Безусловная преданность Риккардо, его способность терпеть насмешки? Вероятно, Лорен-

цо и сам не смог бы ответить на этот вопрос.

Риккардо же им даже не задавался.

– Останешься у нас? – спросил он, как обычно, когда приятели подошли к его дому. Лоренцо жил возле университета, и ему предстояло идти еще около часа, что для одинокого, не вполне трезвого путника в ночном Риме могло быть небезопасно.

– Спасибо, дружище, с удовольствием воспользуюсь твоим приглашением, тем более, что нам надо поговорить. У меня к тебе есть просьба.

Удивленный неожиданно серьезным и доверительным тоном протрезвевшего приятеля, Риккардо завел его домой. Пока Тереза готовила для Лоренцо постель в комнате для гостей, где когда-то жили родители, Лоренцо тихо говорил:

– То, что я тебе скажу, не предназначено для посторонних ушей. Я знаю, что на тебя можно полагаться, и эти сведения останутся между нами. Видишь ли... – Лоренцо тербил тонкими пальцами скатерть стола, словно не находя применения своим рукам. – Видишь ли, в последнее время я стал неплохо зарабатывать. Настолько неплохо, что узнай об этом отец, он бы очень сильно удивился. Только он не должен об этом узнать.

Риккардо совсем не хотелось быть посвященным в мрачные тайны. Это сделало бы и его в некотором смысле сообщником возможного преступления. Заметив его озабоченный взгляд, Лоренцо рассмеялся.

– Не бойся, – сказал он. – Я никого не убиваю, не сношусь с дьяволом – так, по крайней мере, мне кажется, – не ворую, если не считать чужих жен. В общем, мне платит мой патрон, маэстро Аретино, и платит довольно щедро, ибо может себе это позволить, за различные сведения пикантного содержания о влиятельных людях.

Тереза пожелала им спокойной ночи. Приятели перешли из гостиной в комнатку, приготовленную для Лоренцо, и уселись в кресла.

– Я ничего не понял, – признался Риккардо. – Где находится сейчас маэстро Аретино? Я слышал, несколько лет назад он покинул Рим.

– Да, – подтвердил студент, – после того, как его ранил убийца, подсланный епископом Джованни Жиберти, который был оскорблен одной из публикаций маэстро. Сейчас он живет в Венецианской республике и, надо сказать, преуспевает, время от времени публикуя с помощью печатного станка свои так называемые «суждения». Ради того, чтобы не стать мишенью этих публикаций ему платят пенсию герцоги и епископы, короли, и даже папа и император!

– Невероятно! – Риккардо не знал, как относиться к тому, что только что услышал. – Писателю платят, чтобы он не писал? Чего же они так боятся?

– Конечно, правды! – воскликнул Лоренцо. – Маэстро Аретино пишет только правду, но такую, которую великие мира сего хотели бы спрятать от людских глаз.

– Как же он узнает эту правду?

– От таких, как я, – скромно ответил студент. В этот момент он со своей женственной внешностью, с легким румянцем, выступившим на нежных щеках, выглядел воплощением невинности. – Нас у него целая армия. Во всех больших городах Италии и за ее пределами есть люди, собирающие сведения пикантного характера о правителях и иерархах, и поставляющие их маэстро.

– Где же ты добываешь эти сведения?

Риккардо уже догадывался, каким будет ответ. Он всегда недоумевал, что находят женщины в его друге, которому язык заменял силу, а манерность – мужество. Подружек у Лоренцо было больше, чем клиентов у Риккардо. И среди них попадались не одни только прачки и ключницы. Значительную часть своего времени подающий надежду студент факультета права проводил в роскошных палатках состоятельных людей, причем делал он это не столько с хозяйками дворцов, сколько – в их отсутствие – в обществе их юных, не очень юных или совсем не юных жен.

– Разумеется, мне все рассказывают мои прекрасные дамы, – не чинясь ответил Лоренцо, подтвердив догадку друга. – Они узнают все от своих мужей, кое-кто из которых, как ты знаешь, весьма близок к курии.

Из этих слов Риккардо заключил, что Аретино занимается вымогательством с помощью легиона осведомителей и что одним из них является Лоренцо.

– В общем, ты шпионишь для своего патрона, – подытожил он.

– О, не будь таким наивным! – воскликнул Лоренцо, вскочив на ноги. Он, казалось, верил в искренность собственного негодования. – Истина – вот то единственное, что может урезонить власть имущих! Если кардинала или епископа не останавливает его вера и сан, если его обет безбрачия не мешает ему блудить и плодить незаконных детей, а христианские ценности не препятствуют жизни в роскоши и присвоении всего, на что он только способен наложить свою длань, то пусть его сдерживает хотя бы страх перед оглаской.

– Так ведь тут все получается как раз наоборот, – Риккардо со своим неизворотливым умом не мог уразуметь подобных логических хитросплетений. – Если такой епископ будет платить твоему патрону то, что ты называешь «пенсией», то никакой истины мир об этом епископе не узнает.

Лоренцо, похоже, потерял надежду объяснить что-либо своему недалекому другу детства.

– Ладно, – он махнул рукой, и принялся стаскивать с себя разноцветный камзол. – Забудем про это. Надо было мне с самого начала догадаться, что к тебе бесполезно обращаться с такой просьбой.

– С какой просьбой? Ты пока ни о чем не просил.

– Я хотел попросить тебя, чтобы ты был поразговорчивее со своими клиентами, когда ставишь им пиявки или стри-

жешь их. Особенно с этим твоим судьей. Такие люди тоже могут знать множество интересных сведений. Ты бы пересказывал эти сведения мне, а я мог бы тебе за это что-то платить, если, конечно, осознание того, что ты выручаешь друга, не было бы для тебя достаточным вознаграждением.

Риккардо, вообразив, как ведет светскую беседу с мессером Туччи и обменивается с ним сплетнями, вместо того, чтобы хранить, как обычно, угрюмо сосредоточенное молчание во время процедуры бритья, и решительно замотал головой.

– Знаешь, иногда мне кажется, что ты просто завидуешь мне из-за того, что никак не можешь научиться обращению с женщинами! – заявил вдруг Лоренцо. Он уже облачился в халат, натянул на голову ночной колпак и залез в постель. Теперь он выглядел невинным отроком, ожидающим, когда мать поцелует его на сон грядущий. И от того, что он таким казался, услышать из его уст подобное заявление было тем более неприятно и даже оскорбительно.

– У меня скоро будет подружка, настоящая красавица. Твои матроны даже в юности не выглядели так, как она! – выпалил раздосадованный Риккардо неожиданно для себя.

Лоренцо тут же сел, сбросив одеяло и скинув ноги на пол.

– Не может быть! – Он сгорал от любопытства. – Когда это ты научился врать?

Риккардо молчал, жалея о порыве, заставившем ему это сказать.

– Или это правда? Кто она? Говори же!

Но уговоры Лоренцо не возымели никакого действия.

– Жаль, – молвил он. – Я уже было обрадовался за тебя, как и пристало истинному другу. Но давай, коль скоро речь зашла об искусстве любви, покажу тебе кое-что интересное и опасное. Разумеется, никому ни слова! Помнишь скандал с непристойными фресками Романо?

– Да, но я никогда их не видел.

Несколько лет назад – Риккардо и Лоренцо были тогда еще подростками – талантливый художник Джулио Романо, ученик великого Рафаэля из Урбино, рассердившись на папу Климента за невыплаченный в срок гонорар, отомстил ему, сделав на стенах зала Константина в Ватиканском дворце наброски фресок непристойного содержания. По приказу понтифика их затерли, но другой ученик Рафаэля, Маркантонио Раймонди, успел зарисовать фрески. Впоследствии он сделал из этих рисунков сборник гравюр и опубликовал его. Все копии сборника были уничтожены, Раймонди – арестован. Романо повезло больше: сразу после этой истории он получил большой заказ в Мантуе и покинул Вечный город. Пьетро Аретино, нынешний патрон Лоренцо, живший в ту пору в Риме, воспользовался своими связями, и в конце концов ему с немалым трудом удалось вызволить Раймонди из узилища.

– Эти иллюстрации снова вышли в свет, – тихим торжествующим голосом сообщил Лоренцо, вынимая из мешка

книгу. – На этот раз с сонетами маэстро Аретино.

Он прочитал латинское название, перевел на романеско² – «Все позы любви», – и принялся неторопливо листать книгу, с благоговением прикасаясь к страницам. Охваченный любопытством Риккардо разглядывал иллюстрации, краснея, но не отводя от них глаз.

– Представь себе, какими могли быть фрески, вообрази все это в цвете!... – прошептал Лоренцо.

Однако Риккардо был заморожен и этими черно-белыми изображениями.

Все шестнадцать гравюр были равно прекрасны по дерзости, бесстыдству и правдоподобию. Мужчины и женщины, поражая мускулистой пластичностью своих членов, совокуплялись во всевозможных позах на пышных ложах, на фоне тяжелых драпировок, чьи складки каким-то загадочным образом подчеркивали чувственные изгибы тел.

«Мессалина в каморке Лициски», «Эней и Дидона», «Геркулес и Деянира», «Сатир и нимфа». Лоренцо произносил вслух названия картин, но эти языческие имена мало что говорили Риккардо, ничего не добавляя к ошеломлению, наслаждению и острому стыду, которые вызывали в нем изображенные в книге сцены любви. Разбирать стихи он не пытался. Чтение всегда было для него трудным делом, а те строки, что произносил вслух Лоренцо («Эй, закинь вот так

² Романеско – римский диалект итальянского языка.

на плечо мне ногу, Но узды моей не держи рукою»³...), показались ему трескучими и многословными. В них не было той пленительной грации и страстной мощи, так захватившей молодого цирюльника при разглядывании гравюр, хотя сам он вряд ли смог бы объяснить это переживание словами.

– Ну, все, теперь рассказывай про девушку, которая скоро будет твоей подружкой! – потребовал вдруг Лоренцо, внезапно закрыв книгу и возвратив ее в мешок.

– Спи! – коротко бросил Риккардо и вышел из спальни, недоумевая, что же все-таки заставило его сказать фразу о подружке, и как это связано с тем, что до пробуждения Безымянной остаются одни сутки.

* * *

Следующий день прошел в непрерывных трудах. Риккардо ходил от клиента к клиенту, радуясь заработку и стараясь не думать о том, что произойдет ночью.

На одной из улочек в Трастевере, возвращаясь домой, он чуть было не попал в массовую потасовку, одну из тех частых ссор, что начинаются с чьего-то задетого самолюбия. Вскоре в ход, как обычно, пошли шпаги, кинжалы, стилеты, на земле уже лежали стонущие раненые. Два человека, увидев рослого, физически сильного цирюльника, приняли его за врага и угрожающе надвинулись на него. В этот момент кто-то

³ Перевод А. Парина.

из своих позвал их на помощь, и Риккардо, воспользовавшись возможностью, поспешил ускользнуть, радуясь тому, что серый мул проявил достаточно прыти, когда это от него потребовалось.

Некоторые такие ссоры могли длиться десятилетиями. Месть обидчикам и их родственникам становилась делом чести всей семьи. Однажды на окраине города группа детей играла в казнь. Один из них встал на плечи двум другим и засунул голову в петлю. Неожиданный волчий вой напугал детей, и они бросились врассыпную, несмотря на хрипы оставленного товарища. Позже один из них вернулся на место, отвязал мертвого мальчика и похоронил его. Плача от раскаяния и страха, он рассказал о случившемся встревоженному отцу погибшего приятеля и показал ему место захоронения. За свою откровенность невольный убийца поплатился жизнью прямо на месте. Отец повешенного заколол мальчика и похоронил его рядом со своим сыном. Скрывать случившееся он не стал, и в результате вспыхнувшей вендетты в течение месяца погибло больше тридцати человек.

Кровная месть становилась делом последующих поколений, уже не помнивших, что именно привело к ее возникновению. Похожая вражда, происхождение и причины которой терялись во мраке прошлого, когда-то извела многих мужчин и женщин семейств Понти и Маскерони. В конце концов монахи из обители святого Онуфрия склонили их к примирению и принесению друг другу клятв о прекращении враж-

ды. Во время церемонии примирения сверстник Риккардо Понти – а будущему цирюльнику было тогда 14 лет, – худощавый и жилистый Бруно Маскерони, на голову ниже Риккардо, с ненавистью прошипел ему обещание непременно с ним расквитаться, что бы там ни обещали друг другу их отцы.

Повзрослев, Бруно покинул Рим, и на несколько лет о нем не было никаких известий. Но с полгода назад знакомые сообщили Риккардо, что снова видели его в городе. Он оказался капитаном одного из отрядов Джованни Медичи. С той минуты Риккардо никуда не выходил без стилета.

Проезжая через мост и глядя на открывающуюся перед ним панораму возвышенностей и лощин, на которых раскинулись кварталы Рима, на текущую под ним медленную, темно-фиолетовую гладь Тибра, Риккардо вообразил, что было бы, если бы среди дерущихся в Трастевере он увидел своего давнего врага. Кулаки тотчас сжались, и к лицу прилила горячая волна.

Он постарался выкинуть эти мысли из головы и сосредоточиться на предстоящем событии.

Ночью Риккардо и Тереза сидели в спертom воздухе подвала, ожидая пробуждения Безымянной. Минуты текли медленно, огоньки плясали над блестящей матовой поверхностью масла в светильниках, отбрасывая странные тени. Терезу это тоскливое ожидание клонило ко сну. Она то и дело погружалась в дремоту, и тогда верхнюю часть ее лица за-

крывал широкий чепец.

– Тетушка, вы можете подняться к себе. Я прекрасно справлюсь один, – обратился к ней Риккардо.

Его слова возымели обратное действие. Тетка подозрительно вскинула голову. Сна в ее глазах как не бывало.

– Нет уж, сделаем все, как у нас заведено!

Еле слышный шелест отвлек их от разговора. Оба прекрасно знали этот звук: к Безымянной возвращалось дыхание. Племянник и тетка встали со своих мест, глядя на девушку. Та еще спала, но теперь все меньше и меньше напоминала статую. Если бы кто-нибудь сказал Риккардо, что он подобен Пигмалиону, наблюдающему пробуждение Галатеи, он бы не понял, о чем идет речь, но испытывал он именно эти чувства. Каждый раз замирал от невыразимого восторга, от непосильной странности происходящего, наблюдая, как на щеках безжизненной статуи проступает первый признак румянца.

Безымянная судорожно, с коротким стоном вздохнула, ресницы ее затрепетали. Потом медленно открыла веки, потянулась, еще раз вздохнула. Осмысленное выражение не сразу осветило изящно очерченные глаза со слегка вздернутыми уголками. И все же это уже была не статуя, а живая белокожая, худая, рыжеволосая, зеленоглазая молодая женщина.

– Она сейчас встанет. Приготовься попридержать ее, а я дам ей настойку, – прошептала Тереза, словно Риккардо ни-

когда прежде не участвовал в этом действии.

– Нет, я сам, тетушка, не беспокойтесь, – он ринулся к склянке на столе и торопливо взял ее. Риккардо боялся, что тетка учует запах вина и догадается, что в бутылочке находится совсем не обычное ее содержимое. Тереза не настаивала. Она всегда испытывала суеверный ужас перед Безмянной и не любила к ней приближаться.

С того самого далекого дня, когда отец впервые привел мальчика под эти подземные своды, Риккардо всегда чувствовал протест против поспешности, с которой члены семьи спешили опоить девушку и вернуть ее в состояние мраморной неподвижности. Из-за этой спешки он так ни разу не услышал ее голоса. Часто молодой Понти воображал, будто она говорит с ним. Ему казалось, что голос Безмянной должен быть мелодичным, певучим, завораживающим. Но придумать произносимые ею слова Риккардо никогда не удавалось.

Бывшая статуя присела на своем ложе. Одеяло, шепча какое-то заклинание на таинственном языке простыней и перин, сползло на бок, и девушка скинула ноги вниз, поставив босые ступни на прохладный пол. Нательная сорочка доходила ей до самых щиколоток.

– Позвольте, мадонна, помочь вам, – тихо молвил Риккардо, поддерживая ее за плечи. Он всегда разговаривал с ней в эти минуты, хотя она не отвечала. – Вы хотите пить, не правда ли? Вот, извольте.

Рука радовалась, ощущая худые плечи девушки, угадывая рельеф спины. Второй рукой цирюльник протянул ей вино из «Погребка Филиппо». При этом он наклонился над ней достаточно близко, чтобы почувствовать, что у нее появился слабый, но приятный запах, напоминающий ромашковый отвар.

Девушка схватила склянку и быстро осушила ее, не делая пауз между глотками.

– Вот так, очень хорошо, – продолжая говорить что-то успокаивающим голосом, Риккардо снова уложил ее. Безымянная послушно легла, смежила веки, повернулась на бок и подтянула колени. Он бережно укрыл ее и затем повернулся к Терезе, не спускавшей с них глаз.

– Пойдемте, тетушка, дело сделано, – сказал Риккардо и решительно направился к выходу из подвала, подталкивая Терезу. И в этот момент у них за спиной заговорила девушка.

Тереза, обернувшись, в ужасе закричала, увидев, что Безымянная, вместо того, чтобы окаменеть в постели, как это всегда с ней происходило, снова встала на ноги. Она вопросительно смотрела на Риккардо и Терезу и что-то спрашивала. В ее голосе, как и в глазах, и в движениях, присутствовала кошачья вкрадчивость. Слова звучали странным образом знакомо и все же непонятно.

– Почему она не спит?! – Паническим шепотом повторяла Тереза. Ее била дрожь. Схватив племянника за локоть, она спряталась за его спиной. – Почему не подействовала на-

стойка?

– Я вас не понимаю, мадонна, – ответил Риккардо Безымянной. Он оказался в положении человека, не знающего, кому он должен раньше отвечать, и это его слегка сбивало с толку.

– *Ubi sum? Qui estis?*⁴ – произнесла девушка и замолкла. Возможно, оттого, что видела, какой страх она внушает пожилой женщине.

– Тетушка, – Риккардо повернулся к Терезе, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее. – Полагаю, действие заклятья закончилось, и настойка больше не действует.

– Какого заклятья?! Она сама сейчас наложит на нас какое угодно заклятье, если не хуже того!

– Тетушка, откуда известно, что эта девушка ведьма? – говоря это, Риккардо внимательно следил за лицом девушки, а та, в свою очередь, растерянно разглядывала его самого. Слова цирюльника не произвели на нее никакого впечатления. Было ясно, что она не поняла, как он ее назвал. – Почему мы так уверены, что это правда? Ведь никто в нашей семье не знал, как она здесь оказалась, и кто она такая.

Пока Риккардо рассказывал тетке услышанную им недавно историю об уснувшей принцессе, девушка обошла всю комнату, с нескрываемым недоумением рассматривая мебель и иконы на стенах. Казалось, более всего ее удивило

⁴ Где я? Кто вы такие? (лат.)

распятие на стене. Движение ее были неуверенные, сонные и все же полные мягкой, упругой грации.

– Ты хочешь сказать, что ее околдовали? Что она вовсе не ведьма, а сама является жертвой ведовства? – переспрашивала Тереза очень тихим голосом, кидая на Безымянную испуганные взгляды, в которых, однако, сквозило и любопытство.

– Вот именно! – С жаром согласился Риккардо. – И так же, как в той истории, что я вам поведал, действие заклятия уже закончилось. Поэтому девушка и проснулась. Теперь настойка на нее больше не действует.

Обдумав эту мысль, Тереза спросила, на этот раз чуть спокойнее:

– Почему она говорила с нами на латыни?

Тетка хотела получить ответы сразу на все вопросы.

На латыни! Ну, конечно! Вот почему слова девушки звучали так знакомо. Они напоминали язык привычных молитв и проповедей.

– Вот видите! – обрадовался Риккардо. – Она вовсе не ведьма! Это девушка, получившая хорошее образование. Значит, она благородного происхождения.

Последний довод убедил Терезу более всех остальных. Она хотела продолжать расспросы, но Риккардо уговорил ее подняться в дом и приготовить для девушки гостевую спальню, где за сутки до этого ночевал его друг. Сам он подошел к Безымянной, стараясь двигаться очень медленно, чтобы

не встревожить ее.

Впрочем, она не выказывала никаких признаков того, что пребывание в закрытом пространстве наедине с незнакомым мужчиной как-то пугает ее или волнует.

– Мадонна, вам негоже здесь находиться, – сказал он. – В подвале нет свежего воздуха. Давайте поднимемся, и я покажу вам ваши покои.

Безымянная, похоже, понимала или угадывала отдельные итальянские слова. Может быть, ей помогала и жестикуляция Риккардо. Так или иначе, но она догадалась, чего он от нее хочет, и последовала за ним. Они поднялись по лестнице наверх, и цирюльник показал девушке, как обойти зеркало. Хотя Безымянная перестала говорить, – в этом не было особого смысла, поскольку ее не понимали, – было ясно, что здесь ей находиться приятнее, чем в душном подполье.

Обойдя гостиную, она с интересом осмотрела все, что там находилось: большой, украшенный рельефом, сундук, сундучки поменьше, где хранились шкатулки, посудный шкаф. Тщательно изучила стоящий на столе канделябр, подержала в руке керамическую вазу и, вздрогнув, чуть не выронила ее на пол, неожиданно увидев в зеркале свое отражение. Затем, сообразив, в чем дело, девушка подошла к трюмо и стала внимательно изучать себя.

– Мадонна, пойдете, я покажу вам вашу комнату, – предложил Риккардо, делая рукой приглашающий жест.

Девушка бросила на него беглый взгляд и снова вернулась

к разглядыванию своего отражения. Она делала это довольно долго. Изучала лицо, приближая и отдаляя его от серебряной амальгамы, поворачивалась в разные стороны, наклонялась, трясла рыжими локонами, падающими на изящную белую шею. Потом склонилась вперед, слегка согнув колени, взяла обеими руками полы длинной ночной сорочки и резко выпрямилась, подняв их до груди. Взорам ошеломленного Риккардо предстало зрелище стройных ног, впалого белоснежного живота над темным треугольником волос, аккуратные маленькие груди с торчащими малиновыми сосками.

Цирюльник, заливаясь краской, резко отвернулся.

«Может быть, она все-таки ведьма и поэтому лишена всякого стыда», – пронеслась в его голове мысль, но Риккардо постарался прогнать ее, внушая себе, что девушка, очевидно, еще не пришла в себя и не вспомнила, кто она сама и как принято себя вести при людях. Слишком долго – более двухсот лет! – пребывала она во власти заклятья.

Закончив наконец разглядывать себя, девушка выглядела повеселевшей. Исследование собственной внешности, по видимому, не разочаровало ее.

Она последовала за Риккардо в спальню для гостей, отделенную от гостиной проемом, в котором, как и в комнате тетки, не было двери. Там суетилась Тереза. Каким-то безошибочным чувством девушка сразу поняла, кому предназначалась стоящая на невысоком помосте кровать. Занавески над ней были отдернуты. Остановив на мгновение оценивающий

взгляд на образе девы Марии на изголовье, Безымянная села на застилавшее кровать суконное покрывало.

– Что нам теперь с ней делать? – спросила Тереза.

– Покуда не вспомнит, откуда она родом и кто она, ей некуда деваться. Пусть живет у нас.

– Но как же я объясню ее появление соседям?

– Скажите, что это дальняя родственница из заморских краев, и что она не знает нашего языка.

– И как зовут эту «родственницу»? Что мне говорить людям?

Риккардо не знал, как на это ответить, однако тетку уже одолевали новые вопросы.

– Кто будет ее одевать и кормить? – к Терезе, постепенно справляющейся со своими страхами, стала возвращаться ее всегдашняя сварливость.

– Тот же, кто кормит и одевает вас, то есть я! – отрезал Риккардо таким тоном, что Тереза тут же умолкла.

Подумав немного, она стала что-то жестами объяснять девушке. К удивлению племянника, ничего не уразумевшего из этого мимического представления, Безымянная понимающе кивнула, сошла с постели и отправилась за Терезой.

– Куда это вы? – спросил Риккардо, опешив.

– Покажу ей, где справлять нужду.

Риккардо был вынужден оценить здравый смысл старой девы. Безымянная должна знать то укромное, прикрытое земляной насыпью место в канаве, где после дождя возникал

ручей, смывавший нечистоты.

Вскоре Тереза и Безымянная вернулись в дом. На ногах у девушки были башмаки Риккардо, которые тетка дала ей, не спросив разрешения племянника. Безымянная выглядела продрогшей и очень недовольной увиденным.

Тереза принесла из кухни мокрое полотенце и показала ей, что она может вытереть руки и лицо, после чего принесла на стол немного скромной снеди.

– Пора перекусить в честь знакомства, – приговаривала она.

– Никогда не ел в такое время ночи, – пробормотал Риккардо и отодвинул стул для девушки, дожидаясь, пока та сядет.

Девушка, однако, не спешила следовать примеру Терезы, уже усевшейся за стол.

– Угощайтесь, мадонна. Вы, должно быть, проголодались за последние двести лет, – учтиво произнес цирюльник и положил ей на тарелку лепешку из смеси ржаной и рисовой муки, кусок козьего сыра и несколько маслин.

Безымянная, не садясь, взяла тарелку и, к удивлению Риккардо, вложила ее ему в руки, говоря что-то на своей латыни, после чего уверенно направилась в спальню, жестами приглашая присутствующих следовать за ней. Там она подошла к стоящему в углу тяжелому ларю с одеждой, ухватила за него руками и без особых усилий подтолкнула его к кровати. Опять что-то произнесла, сопровождая свои сло-

ва движениями руки. Риккардо, надеясь, что правильно ее понимает, поставил тарелку на ларь, ставший теперь чем-то вроде столика возле постели. Девушка показала, что еду следует разрезать. Риккардо принес нож и сделал это.

– Похоже, она действительно из благородных, – заметила Тереза, с интересом наблюдавшая эти необычные приготовления к трапезе посреди ночи. – Видишь, как привыкла распорядиться.

Забравшись на постель, девушка легла на левый бок, оперлась на локоть и, беря куски еды правой рукой, с большим аппетитом опустошила тарелку, несколько не смущаясь присутствием остолбеневших Риккардо и Терезы.

Безымянная запивала еду смесью воды и вина, которую принесла Тереза, без труда поняв, чего хочет девушка, поскольку разница между латинским «vinum» и итальянским «vino» оказалась невелика, а слово вода – «аква» – прозвучало одинаково. Вообще участники этих странных ночных переговоров вскоре осознали, что если быструю речь друг друга они не понимают совершенно, то смысл отдельных слов вполне можно узнать по их сходству, а то и полному совпадению в двух языках. Это позволило им в некоторых случаях объясниться друг с другом.

Еще до того, как разойтись по постелям, Риккардо и Тереза успели донести до сведения девушки свои имена и угадать, что собственного имени девушка вспомнить пока не может. Ей сообщили, что она находится в Риме. Это на-

звание – Рома – звучало для нее знакомо, однако она не помнила, почему.

* * *

Событий ночи так утомили обеих женщин, что они проспали до полудня. Риккардо же проснулся рано. Охваченный радостным предвкушением многих дней, заполненных присутствием рыжеволосой гостьи, он купил ей немного одежды, благо ходить далеко не пришлось, – рынок располагался прямо возле его дома. Отобранные им одежда и обувь были изготовлены из дешевых материалов, но выглядели, как казалось Риккардо, весьма изящно. По возвращении домой, убедившись, что девушка уже не спит, Риккардо велел слуге из лавки сложить все это добро – платье с узким, застегивающимся спереди лифом, новую нательную рубашку и пару маленьких башмаков – на ларе возле занавеси, скрывавшей ее кровать.

Девушка с нескрываемым интересом перебрала дары, потрогала, пощупала, похмыкала и все же поблагодарила цирюльника, одарив его мимолетной улыбкой и быстрым «*Gratias ago*⁵!».

– Это вам на первое время, мадонна, – сказал он извиняющимся тоном, надеясь, что она поймет хотя бы отдельные слова. – Я даже в мужской одежде мало что понимаю, не го-

⁵ Благодарю (лат).

вора уже о дамской. Но вы скоро сами сумеете выбрать себе в лавках то, что вам подойдет. Я, конечно, не граф, не банкир и не епископ, но какое-то количество скудо у меня накоплено. Думаю, смогу обеспечить вас гардеробом, если не будете слишком взыскательны. Вы уж извините, что я говорю вам это так прямо.

По Безымянной было видно, что эту его речь она совершенно не поняла. Но Риккардо уже придумал, как преодолеть языковые препятствия.

Тетку он нашел в кухне.

– Вы все еще страшитесь нашей гостьи? – поинтересовался он.

– Ох, Риккардо, – Тереза отложила разделочный нож. – После стольких лет одиночества в этом доме наконец появилась женщина, понимающая меня лучше, чем собственный племянник. Страхи могут только лишить меня этой радости.

Помолчав, она добавила:

– В мои-то годы пора уже разбираться в людях. Я же вижу, что в этой милой девочке не может быть зла. Будем молиться, чтобы Господь вернул ей память, и тогда мы узнаем, что сотворили с ней жестокие люди.

Риккардо показался забавным ход мыслей его тети, ведь она говорила о своем взаимопонимании с девушкой, с которой у нее даже не было общего языка. Впрочем, возможно отдельных понятных слов им действительно хватало.

Он оставил тетке денег, попросив заботиться о гостье,

насколько позволят выделенные им средства, и отправился на поиски Лоренцо.

Он обнаружил приятеля на лужайке перед одним из зданий университета.

– Риккардо, что ты здесь делаешь? – удивился студент.

– Пойдем ко мне прямо сейчас. Ты мне нужен как переводчик с латыни, – Риккардо потянул приятеля за собой, не желая терять время, но тот стал упираться.

– погоди, у меня же лекции! И что это за текст тебе вдруг срочно понадобилось переводить? Что-то я за тобой не замечал раньше такого интереса к богословским книгам.

– Я не говорю о книгах. У меня дома находится молодая женщина, которая не знает нашего языка, но говорит на латыни.

– Вот как! – Теперь студент был заинтригован. – Откуда у простого цирюльника взялась столь образованная гостья? Не на нее ли ты намекал на днях, обещая, что у тебя скоро появится подружка?

Риккардо слегка покраснел.

– Пойдем, расскажу в пути.

На вопрос о подружке он решил не отвечать.

– Что ж, ладно, – согласился студент, – но только при условии, что я буду сидеть на твоём муле.

Когда-то, в детстве, Лоренцо не поверил рассказу Риккардо о девушке, спящей мертвым – почти в буквальном смысле этого слова – сном в доме его семьи. Не поверил он

и в этот раз.

– Из всех знакомых мне людей, – произнес Лоренцо после того, как Риккардо замолчал, – ты менее всех способен на розыгрыш. Поэтому я просто не знаю, что и думать. Говори честно, дружище, что ты затеял? Только не надо мне больше рассказывать про девушку, которая проспала в твоём подвале больше двухсот лет, а теперь проснулась, разговаривает с тобой на латыни и ничего не знает ни о самой себе, ни об этом Божьем мире.

– Когда мы были детьми, ты хотел доказательств, – ответил Риккардо. – Сегодня ты их получишь.

Дома никого не оказалось. Риккардо был уверен, что женщины скоро вернутся, так как Тереза не была способна на длительные пешие прогулки, а мул все это время находился с ним. Чтобы не терять время зря, он повел приятеля к зеркалу, – возле которого Лоренцо быстро провел рукой по волосам, поправив спадающий на глаз локон, – дальше, в проход за зеркалом, и вниз, в подвал.

Когда взору студента предстало зрелище ложа и смятой постели, его скептицизм дал первую трещину.

– Неужели все это правда?! – воскликнул он. – Девушка действительно пролежала здесь больше двух столетий, насколько при этом не постарев?

– Да, это было именно так, – серьезно подтвердил Риккардо.

– Значит, она могла быть знакома с Данте и Боккаччо! –

встреппенулся Лоренцо. – Могла быть свидетельницей раскола в церкви, когда три кардинала одновременно объявили себя папами! Хотя погоди. Она же ничего не помнит. Мы должны помочь ей вспомнить! Может быть, я смогу понять, откуда она родом, по ее выговору. Или нет, лучше поступить иначе. Я нахвтался у других студентов всяких простых фраз на разных языках. Если она услышит звуки родной речи, то сразу вспомнит свой язык и родину.

Риккардо был возбужден не меньше, чем его приятель, но совсем не из-за того, что Безымянная могла знать автора «Божественной комедии». Он предвкушал скорую встречу с ней и не хотел находиться в подвале в то отрадное мгновение, когда она вернется в дом.

– Пойдем наверх, здесь трудно дышать, – предложил он.

– Я только что вспомнил, что слышал о сходном случае, – заявил Лоренцо, когда они вернулись в гостиную. – Молодой мужчина проспал почти двадцать лет и нисколько не изменился. Но после пробуждения он быстро наверстал упущенное время, состарившись всего за две недели на те же двадцать лет. Это означает, что твоей гостье жить осталось недолго. Сам подумай: если за ближайшие две недели ей предстоит постареть на двести лет, то на самом деле она проживет всего несколько дней. Приготовься увидеть ее послезавтра дряхлой старушкой.

– Ничего такого с ней не произойдет! – воскликнул Риккардо почти в гневе.

– Ну ладно, ладно, забудь то, что я сказал! – поспешил успокоить его студент. – Может быть, с ней это и не случится.

Расхаживая по комнате, он размышлял вслух.

– Так, значит, я буду называть ее на «ты», потому что на латыни не говорят одному человеку «вы» или «ваша честь». Скажу, что я студент, и меня зовут Лоренцо. *Sum studiosus. Mihi praenomen est Laurentius.*

Задумавшись, «студиозус» спросил:

– Как мне лучше назваться, дружище? Лоренцо или Лаврентием?

– Лоренцо, конечно, – недолго думая ответил цирюльник, вспомнив, что его самого Безымянная уже несколько раз называла то «Риккардо», то «Рихардусом». – Она сама сообразит, как переделать твое имя на латинский лад, если ей того захочется.

– Хорошо бы все же узнать ее родной язык, – пробормотал Лоренцо и вдруг осекся и вскочил на ноги, глядя в сторону двери, откуда только что вошли в дом Тереза и Безымянная.

Девушка была в платье изумрудного цвета, купленном для нее Риккардо, но к нему добавились оранжевые шелковые нити для скрепления буфов на рукавах.

– Приобрели только что на рынке! – пояснила Тереза, перехватив взгляд племянника. – Кроме того, купили ей румян и красок для бровей и ресниц. Молодой женщине надо выглядеть прилично. Кстати, сегодня наша гостья позавтракала со мной за столом, а не в постели, как ночью, и, кажется,

осталась вполне довольной.

Когда Тереза начинала говорить, остановить ее бывало трудно. Особенно, если никто не пытался это сделать. Риккардо молчал, не в силах отвести глаз от фигуры Безымянной, выглядевшей в одежде еще более маняще, чем в ночной сорочке из грубой ткани. У Лоренцо и вовсе отнялся язык. Похоже было, что он так и не понял: разыгрывают его или эта девушка действительно подобна заснувшей принцессе из легенд.

– Когда мы проходили мимо статуи Пасквино, – продолжала тараторить Тереза, пока Риккардо усаживал их обеих за стол, – Безымянная остановилась и стала как-то особенно на нее смотреть. Мне кажется, она скоро что-то вспомнит. Или, может быть, ее удивило то, что у статуи отбиты руки и нос. Стихов на постаменте уже не было.

Упомянутый Терезой безрукий торс стоял близко к их дому, на самой площади Навона. Выглядел он очень древним, никто не знал, кого он изображает, но римских горожан это не особенно интересовало. Статуя притягивала людей тем, что каждое утро ее постамент обклеивался новыми пергаментными листами с сатирическими виршами, обличавшими самых именитых граждан Папского государства. К полудню эти стихи – *пасквилли*, как их позднее будут называть по имени статуи, – отдирали стража порядка, однако многие успевали к тому времени прочитать их и пересказать их содержание своим знакомым.

– Надо рассказать ей, какие великолепные сатиры вывешивал на этой статуе Пьетро Аретино, когда пытался остановить избрание папы-нидерландца Адриана, – вполголоса сказал Лоренцо другу.

– Забудь на несколько минут своего обожаемого патрона и поздоровайся с молодой дамой, – одернул его цирюльник, не разделявший преклонения студента перед изящной словесностью.

Лоренцо смутился, кашлянул и, обращаясь к Безымянной, приветствовал ее:

– Salve!

– Salve! – ответила девушка заметно увереннее, чем студент. Голос у нее был мелодичный, слегка тягучий.

– Я Лоренцо, э-э, Лаврентий. Как зовешься ты? – продолжал студент, удивляясь тому, что разговаривает с молодой женщиной на языке церковной литургии.

Девушка, услышав понятные слова, произнесла в ответ весьма длинную речь. Говорила она легко, совершенно не затрудняясь в выборе слов, в отличие от своего собеседника. Лоренцо произнес для нее несколько фраз на французском, венецианском и на одном из немецких наречий, но Безымянная не узнала в них звуков родной речи. В ходе этой проверки выяснилось, что она получила прекрасное образование, ибо классические языки – латынь и греческий – понимала безупречно. Но каким был ее родной язык, так и оставалось пока загадкой.

– Что она говорит? – теребил друга Риккардо после очередной латинской тирады Безымянной.

Лоренцо попросил девушку подождать, пока он переведет ее слова, и обратился к сгорающим от нетерпения цирюльнику и его тетке.

– Ваша гостья не помнит ни имени своего, ни родины. Что касается родного языка, то она чувствует, будто всю жизнь только и делала, что говорила на латыни. Я попробовал объяснить ей, что это невозможно, но она не понимает моих доводов, ибо ничего не помнит об этом мире. Хотя ей многое кажется знакомым – какие-то названия, дома, холмы, – она пока ничего не вспомнила. Сейчас юная госпожа просит вас рассказать ей все, что вам о ней известно: откуда она здесь взялась, как долго спала, что ее разбудило, что это за страна, город, в общем – все, что можете ей поведать.

Присутствующие принялись наперебой выполнять просьбу девушки. Лоренцо не только переводил, но и вставлял собственные суждения. Все это продолжалось до тех пор, пока у него от усталости не стал заплетаться язык.

Перед уходом студента между хозяевами дома и гостьей завязался бурный спор, когда Безымянная попросила Лоренцо перевести, что ей необходимо каждый день принимать ванны. Присутствующие, вспомнив страшные дни чумы, стали объяснять ей, насколько опасны влажные пары, говорить, что через горячую воду и пар передаются миазмы, распространяющие моровое поветрие.

Расписывая ужасы чумы, Лоренцо сказал, что этот ужасный недуг «сеет мучительную смерть и уничтожает целые города».

– Но к чистому телу, не так быстро пристает недуг, – возразила Безымянная, демонстрируя присутствующим такие, доселе неизвестные им, стороны своего характера, как настойчивость и упрямство.

Риккардо ссылался на то, что из всех присутствующих он, цирюльник и костоправ, ближе всех к медицинской профессии, цитировал знакомых врачей, рассказывал, используя последние силы измученного переводчика, как погибла вся его семья. Но Безымянная не унималась.

– *Lavari debeo!*⁶ – настойчиво повторяла она, утверждая, что многие люди могли уцелеть в дни поветрия, если бы сохранили свои тела в чистоте.

– Откуда тебе это известно? – переводил Лоренцо на латынь.

– Не помню, откуда, но известно, – переводил Лоренцо с латыни.

Убежденность девушки не смогли поколебать никакие доводы Риккардо, и в конце концов он потерпел поражение, позволив убедить себя.

В тот же день, уже после ухода студента, цирюльник устроил для Безымянной в кухне возможность залезть в большую бадью с горячей водой. Оттуда долго доносились плеск

⁶ Мне необходимо помыться! (лат.)

и фырканье, после чего Безымьянная вернулась в гостиную. Мокрые рыжие волосы пристали к голове и шее, лицо светилось удовольствием.

Через несколько дней Риккардо и Лоренцо сидели в «Погребке у Филиппо», обсуждая Безымьянную. Оба прекрасно понимали, что о возрасте девушки лучше никому не рассказывать, чтобы не привлекать тех, за кем маячили тени пыточных застенков. С точки зрения обывателей и их духовных пастырей, только дьявол мог дать человеку способность прожить два столетия, да еще и не постареть при этом.

– Не понимаю, – задумчиво говорил Лоренцо. – Судя по твоему рассказу, Безымьянная, проснувшись после двухсотлетнего сна, тут же начала двигаться и разговаривать. Но ведь ее члены должны были утратить всякую силу от такой продолжительной неподвижности! Почему этого не произошло?

– Может быть, – поразмыслив, предположил Риккардо, который до настоящего разговора вовсе об этом не задумывался, – дело в том, что она не спала непрерывно, а каждый месяц пробуждалась и немного двигалась? Или в том, что такова природа наложенного на нее заклятия?

– Все это хотелось бы понять получше, – заметил Лоренцо. – Интересно, если ей удастся вспомнить, кто она такая и как ее усыпили, сможем ли мы объяснить себе все, что кажется сейчас столь загадочным?

Потом беседа перешла на другую тему. Студент, уже до-

гадавшийся о чувствах его друга к загадочной девушке, заверял его, что никогда не станет за ней ухаживать.

– Дружба для меня прежде всего! – объявил он, заедая чесноком дешевое вино. – Ты же знаешь меня, если я что-то обещаю, ничто не заставит меня нарушить слово. К тому же, в отличие от тебя, я отнюдь не вижу в ней красавицу. В моем вкусе более пышные формы. Впрочем, – спохватился Лоренцо, – это не имеет никакого значения. Главное – дружба!

Риккардо безмолвствовал. Его думы были заняты тем, как бы подступиться к Безымянной. Советоваться на эту тему с многоопытным студентом почему-то не хотелось.

– Кстати, у нее бывает одна ухмылочка, от которой у меня слипаются внутренности, – заявил вдруг изрядно захмелевший Лоренцо. – Ты не замечал? Этакая, знаешь ли, усмешка одним левым уголком рта. И в глазах искорка, совсем недобрая. В общем, хотя твоя Безымянная двигается как кошка, эта ее односторонняя улыбка подошла бы скорее змее.

– Разве змеи и кошки улыбаются? – спросил Риккардо, не зная, как еще выразить удивление, вызванное словами друга.

– Да, на картинах старинных мастеров, с которыми Безымянная могла водить личное знакомство! – захохотал в ответ студент.

До этого разговора Риккардо не замечал никакой недоброй усмешки на лице у Безымянной. Ему казалось, что все в ней дышит миловидностью и приязнью. Но вскоре он по-

нял, о чем говорил Лоренцо.

Это было несколько дней спустя, когда, воспользовавшись присутствием переводчика, Безымянная снова заговорила о необходимости ежедневных омовений тела. После того раза, когда ей позволили искупаться в бадье, ей приходилось довольствоваться протираниями влажным полотенцем и частой сменой одежды. Девушка считала, что этого недостаточно.

Она спрашивала, есть ли в городе общественные бани, признаваясь, что не помнит, откуда знает об их существовании. Ей отвечали, что после «черной смерти» все бани, по приказу церковных властей, были закрыты.

Тогда Безымянная снова стала настаивать на ежедневных домашних ваннах.

Риккардо, как ему ни хотелось во всем ей потакать, на это пойти не мог. Мысль о чуме вызывала в нем панику, от которой скручивался желудок и немела левая рука. С большой неохотой он согласился на то, чтобы Безымянная мылась в горячей воде один раз в две недели. Девушка, видя, что споры бесполезны, замолкла, и тут цирюльник и заметил эту улыбку. Она была очень быстрой, мимолетной, только появилась, тронув один уголок рта, и тут же исчезла. В глазах девушки действительно словно вспыхнул и погас непонятный огонек, лишенной всякой приветливости. Со всем не так улыбалась когда-то ненадолго пробудившаяся мраморная статуя маленькому мальчику, глазевшему на нее

в немом восторге.

И Лоренцо, и Тереза поддержали решение Риккардо, и все же у него осталось неприятное чувство, что-то вроде вины перед девушкой, и чтобы как-то скрасить неловкость, он в тот же вечер преподнес ей в дар весьма изящную сеточку из золотистых нитей для удержания собранных на затылке волос.

Тереза, утомленная хлопотами по хозяйству, уже спала. Безымянная, в эти дни не раз видевшая на улицах Рима женщин с подобными сетками, легко поняла, как ее приспособить. Стоя перед зеркалом, она повертела головой, потряся выбившимися из под сетки кудряшками и несколько раз произнесла уже знакомое цирюльнику латинское «спасибо». Девушка коснулась его руки, а затем медленно двинулась в сторону своей спальни, не тяня Риккардо за собой, но и не разнимая их ладоней, от чего изящная ее рука вытянулась в полную длину. Молодой цирюльник пошел за девушкой, чтобы не размыкать этого легкого прикосновения.

Двигаясь таким образом, Безымянная привела Риккардо к своему ложу и задернула за ними завесу. Они долго, не торопясь, ласкали и раздевали друг друга, и не прекращали ласк и после того, как на них не осталось никакой одежды. Риккардо вдыхал запахи женского тела, удивляясь тому, что еще совсем недавно оно было столь же безжизненно, как статуя из холодного белого мрамора.

Однако в тот самый миг, когда окаменевший жезл дол-

жен был погрузиться в теплое влажное лоно, Безымянная решительно отстранилась, остановив движения мужского тела. Риккардо, решив, что его приглашают проявить настойчивость, снова потянулся к женщине всем телом, но та оттолкнула его. Не понимая, чего она хочет после всех этих ласк, он повторил попытку, и тогда Безымянная крепко стиснула рукой его запястье, не давая приблизиться к себе.

Ее узкая, красиво очерченная рука выглядела сейчас очень рельефно и больше походила на руку мальчика, наделенного весьма странной и необъяснимой силой. Эта сила оказалась неожиданностью и для ее обладательницы. С интересом смотрела девушка на собственную мертвую хватку, на толстые, побелевшие пальцы Риккардо, и губы ее снова тронула та «односторонняя» улыбка, о которой говорил Лоренцо. Риккардо почувствовал желание взять Безымянную с боем, сломив ее силу своей собственной, как берут неприятельскую крепость. Ему стоило немалого труда напомнить себе, что он собирался стать для девушки защитником и другом, а не насильником.

– Хорошо, мадонна, хорошо, – заговорил он, подавляя гнев. Он уже знал, что это слово – *bene* – звучит одинаково на обоих языках.

Безымянная отпустила его руку и тут же стала быстрыми движениями растирать ему запястье. Чувствительность, вместе с кровью, возвращалось в пальцы игольчатыми уколами.

Последовали новые ласки, но красный от стыда и разочарования Риккардо на них не ответил.

– Хорошо, – еще раз произнес он тихо, отстранился, взял свою одежду и покинул спальню, не зная, что же он только что испытал: унижение, удовольствие или муку.

* * *

В те дни двое друзей и рыжая гостья часто совершали длинные прогулки по Вечному городу. Мужчины сажали девушку на мула, а сами шли рядом, хотя после той ночи в спальне Риккардо подозревал, что по силе и выносливости она нисколько им не уступает.

Безымянная по-прежнему не могла вспомнить, откуда ей знакомы те или иные здания, названия, возвышенности. Она о многом расспрашивала Лоренцо, и тот охотно отвечал ей. Риккардо же хранил угрюмое молчание, но отказаться от этих прогулок не мог.

Студент объяснил девушке, что в их стране способность не постареть за двести лет может вызвать подозрения в магии, за каковыми неизбежно последуют дыба и кнут, и поэтому ей не следует рассказывать о себе посторонним людям. Девушка, хоть и выглядела весьма удивленной, сказала, что все поняла, и пообещала соблюдать осторожность.

Однажды разговор зашел о семи холмах, на которых стоял Рим с самых древнейших времен. К ним относились не все

холмы, входившие сегодня в черту города. Лоренцо стал показывать рукой в разных направлениях, произнося названия, и все они – Палатин, Капитолий, Эсквилин, Квиринал и так далее – звучали для нее знакомо.

В это мгновение троица с мулом подошла к небольшому фонтану, из которого горожане часто брали воду для домашних нужд. Увидев воду, девушка соскочила с мула и побежала к нему и в мгновение ока перелезла через края чаши фонтана. Друзья не успели понять, что происходит, как Безмянная уже мыла стройные ноги в пенящихся струях, задрав зеленую юбку выше колен. Лоренцо и Риккардо в ужасе бросились к ней.

– Госпожа, – забормотал Лоренцо тихим голосом, чтобы его не слышали зеваки, уже останавливающиеся поглазеть на необычное зрелище, – молю тебя, немедленно опусти платье! Здесь женщине лучше не показывать посторонним даже ступню, не говоря уже о бедрах!

– Я не могу ходить грязной, Лаврентий! – Возразила девушка, глядя на него потемневшими глазами. – Твой друг не дает мне возможности принимать ванны. Что ж, у себя дома он хозяин. Но это место Рихардусу не принадлежит, и он не может мне здесь приказывать!

Вокруг раздавались смешки. Риккардо чувствовал такую смесь растерянности и возмущения, что единственное, на что он был в этот момент способен, это схватить Безмянную, огреть ее как следует и утащить отсюда силой.

Впрочем, девушка уже покинула чашу фонтана, опираясь на предложенную студентом руку. То ли ее убедили нарисованные Лоренцо картины предстоящих ужасов, то ли она почувствовала опасность, глядя на собравшихся возле них людей. Смеялись далеко не все. Лица некоторых были искажены гримасами гнева и отвращения. Из толпы вышел высокий священник.

– Кто эта распутная девица? Как смеет она себя так вести?! – Сурово спросил он, вскинув крупную голову.

Как только Безымянная оказалась верхом на муле, Риккардо, багровый от раздражающих его чувств, резко дернул повод, вымещая досаду на животном. Мул, не привыкший к такому обращению, обиженно бросился вперед. Цирюльник и студент быстро заработали ногами, чтобы не отставать от него. При этом Лоренцо, охваченный животным страхом перед тем, что кто-нибудь приведет стражу порядка, все еще продолжал увещевать священника и некоторых других горожан, следовавших за ними, не отставая.

– Уверяю вас, благородные синьоры, эта юная дама вовсе не распутница. Просто она чужестранка, она из краев, где царят совсем другие обычаи! – повторял он, не замедляя хода.

– У них в обычае, чтобы юная женщина оголяла свою плоть на виду у посторонних мужчин? – громовым голосом вопрошал священник.

– Юную даму укусила оса, и она поспешила охладить ме-

сто укуса, чтобы унять зуд, – паника придавала сил воображению студента.

– Откуда же родом эта чужестранка?

Лоренцо сказал первое, что пришло ему в голову:

– Она из далекой Московии. Вы же видите по ее внешности, что она северянка.

– Из Московии? Значит, она придерживается греческого обряда? – поинтересовался священник. Теперь лишь он один шел за ними. Остальным были неинтересны тонкости различий между разными исповеданиями христианства. Тем более, что идти, чтобы не отставать за двумя мужчинами и девушкой на муле, приходилось быстро.

– О нет, святой отец, теперь уже нет. Она приняла истинную, римскую веру. Просто еще не привыкла к нашим обычаям.

Наконец священник все же отстал от подозрительной тройки.

С полчаса они продолжали путь молча, не веря, что тень несчастья миновала.

– Мы были на волоске от страшной беды, – сказал Лоренцо по-итальянски.

– Почему ты назвал именно Московию? – мрачно спросил Риккардо, стараясь не смотреть на девушку, причинившую им столько переживаний.

– Случайно посмотрел в то мгновение в сторону Ватикана и вспомнил, что два года назад к папе Клименту приезжало

посольство от московского великого князя. Посла звали Деметрий Эразмий⁷, и он, как и твоя гостья, великолепно владел латынью.

Словно почувствовав, что говорят о ней, Безымянная обратилась к Лоренцо и попросила объяснить, что именно так разъярило толпу, и что он говорил людям, которые шли за ними. Выслушав ответ, девушка заявила, что слово «Московия», в отличие от таких названий, как «Ватикан», звучит для нее совершенно незнакомо.

– Думаю, госпожа, – посоветовал Лоренцо, – если тебя будут спрашивать, откуда ты родом, до того, как ты вспомнишь свою настоящую родину, тебе лучше отвечать именно так, как я сказал тому священнику, то есть что ты из Московии. Про эту северную страну здесь почти ничего не знают, и вряд ли кто-то сможет тебя уличить.

– Вене, – ответила девушка, и тут ее тело обмякло, словно из него вынули внутренний стержень, и она стала безвольно сползать с мула. Друзья подхватили ее и усадили на траву. По счастью, дни стояли уже довольно теплые, и земля была сухой.

Безымянная, тяжело дыша, смотрела куда-то вдаль невидящим взором. Потом ее глаза сфокусировались на каком-то конкретном объекте.

⁷ Латинизированная форма имени «Дмитрий Герасимов». Был переводчиком, филологом, богословом, в 1525 году находился в Риме в качестве посла Василия III при дворе Климента VII.

– Я сейчас что-то вспомнила про себя, – прошептала она. – Не все, но и не очень мало. Из-за него, – девушка указала вперед рукой.

Там, на площади возле Латеранского дворца, стояла на высоком постаменте большая бронзовая статуя мужчины на коне. Всадник, расставив пальцы, указывал вперед правой рукой, и от этого движения его походный плащ собрался в красивые складки на груди. Борода и волосы курчавились, губы с опущенными вниз углами были крепко сжаты, а широко распахнутые глаза, слегка навывкате, смотрели в бесконечную даль невероятных прозрений человеческого разума.

– Что известно об этой статуе? – спросила девушка. Она оперлась на предложенную студентом руку и встала, не обращая никакого внимания на приставшие к ее платью травинки и пыль.

– Ты, вероятно, заметила, госпожа, – с готовностью пажа ответил Лоренцо, – как много в городе скульптур с отбитыми носами или пальцами. Когда-то христиане не умели, как сегодня, ценить искусство классической древности и уничтожали все, что оставалось от времен язычества. Но эта статуя полностью уцелела, ибо долгое время считалось, что она является памятником Константину, первому христианскому императору Рима.

– Не знаю, – молвила Безымянная, – кто такой Константин, о коем ты говоришь, но это не его статуя.

– О, ты действительно многое вспомнила! – вскричал Ло-

ренцо. – Конечно, не его! Несколько десятилетий назад папский библиотекарь Бартоломео Платина сличил изображение древних монет с этой фигурой и доказал, что в действительности это статуя императора, бывшего языческим философом и правившего еще во втором столетии от рождения Христова. Его звали...

– Его звали, – перебила девушка, – Марк Аврелий Антонин⁸.

– Что она говорит? – спросил вдруг набывчившийся Риккардо и впервые после происшествия у фонтана бросил на девушку взгляд исподлобья.

– Безымянная начинает вспоминать! Она узнала памятник! – Обратившись к юной женщине, Лоренцо перешел на латынь. – Что ты еще вспомнила, госпожа моя, кроме того, что знала эту статую?!

– Не только статую, – гордо выпрямившись, произнесла девушка голосом, в котором зазвучали властные нотки, – но и самого императора-стойка. И еще лучше, чем его, знала я его супругу, Аннию Галерию Фаустину.

Какое-то мимолетное движение облаков в далеких высотах освободило проход солнечным лучам, и те вдруг словно зажгли золотым сиянием локоны Безымянной. В ее облике была сейчас какая-то новая величественность, заставившая

⁸ В 1538 году конная статуя Марка Аврелия по распоряжению папы Юлия III была перенесена на Капитолий и установлена на цоколь, сделанный для этого Микеланджело.

Риккардо снова спросить:

– Что она сейчас говорит?

Лоренцо не отвечал. Вид у него был такой, словно он только что увидел, как оживает камень или дерево.

Девушка тронула студента за щегольской рукав из тонкой парчи и добавила:

– Я знаю свое имя. Меня зовут Кассия Луцилла Младшая.

Студент, чувствуя, что его прошибает холодный пот, никаких умных слов не нашел и поэтому произнес те, что ему самому казались глупыми:

– Вероятно, госпожа, тебя звали «Младшей», поскольку твоя матушка или старшая сестра носила такое же имя?

«О нет, – подумала Кассия. – Мне еще предстоит навести порядок в своих воспоминаниях, но, насколько я помню, Старшей тоже была я».

Глава 1

1 в. н.э.

*В век порчи нравов чрезмерно льстить
и совсем не льстить одинаково опасно.*

Тацит

Дети покинули окруженный тонкими колоннами сад, миновали коридор, составленный из деревянных перегородок, и проникли в таблинум – комнату, где отец держал семейный архив, донесения от управителей городского дома и загородной виллы, а также некоторые личные вещи. Секст, нетерпеливо ринувшись к заветному сундуку, задел кресло, стоящее возле письменного стола, и замер на месте, словно неподвижность могла отменить нечаянно произведенный им шум. Никто не пришел, и мальчик, показав младшей сестре глазами, что все в порядке, вынул из складок своей голубой туники длинную отмычку.

Кассии показалось, что один из бюстов, сомкнув густые брови, неодобрительно изучает ее покрашенными гипсовыми зрачками. Это был мужчина с крупным носом и толстыми губами. Голова была слегка повернута влево, словно он только что взглянул на вошедшую девочку, отчего на складки шеи упал темный треугольник тени. Кассия опасливо обошла бюст.

– Что ты устави́лась на Цицерона? Иди сюда! – громким шепотом позвал Секст. Он уже справился с крышкой охваченного металлическими пластинами сундука, отперев замок отмычкой, которую отец утром рассеянно оставил на столе в атрии⁹. Теперь мальчик тащил из сундука всадническую тогу отца. Белое полотно все не заканчивался, складки его ложились на пол, теряя прищепки, которыми держались сгибы.

Кассия подскочила, чтобы помочь Сексту, и схватила другой край полотна.

– Подними выше и держи на весу! – повторял Секст, барахтаясь в волнах тоги и запутываясь все больше. Сил шестилетней девочки было недостаточно, чтобы выполнить его пожелание, и по мере того, как одни части тоги освобождались из сундука, другие ложились на пол.

Наконец Сексту удалось освободиться, и теперь он, схватившись за край полотна, отходил назад, пока не уперся спиной в украшенную мозаикой стену. Тога натянулась.

– Какая огромная! – ахнула Кассия.

– Почти четыре двойных шага¹⁰! – с гордостью объявил Секст. – И в ширину больше человеческого роста. Поэтому отцу и нужна для облачения помощь одного или двух рабов.

⁹ Атрий – первоначально так назывался в древней Италии большой центральный зал, вокруг которого группировались другие комнаты в городском доме или на загородной вилле. Во времена империи атриии практически превратились в помещения для приема гостей.

¹⁰ Т.е. около 5.5 – 6 м.

Моя намного меньше.

Когда в дом приходили важные гости, Секста одевали в его мальчишескую тогу. Но сейчас ему хотелось покрасоваться перед сестрой в одном из величественных одеяний отца.

– Слишком большая для нас. Как же мы справимся? – Кассия подозревала, что зря позволила Сексту уговорить себя. Она уже не в первый раз замечала, что, несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте, брат уступает ей в способности предвидеть последствия своих поступков. Было ясно, что вся эта затея ничего хорошего им не сулит.

Глядя на тяжелое полотно, частично натянутое, частично лежащее на полу, и на разбросанные прищепки, девочка понимала, что сложить тогу так же аккуратно, как она была уложена до вторжения, уже не удастся, и поэтому скрыть свой проступок они с братом не смогут.

– Давай, помоги мне обмотать ее вокруг меня! – Секста больше не радовала его выдумка, но признаться в этом он еще не был готов. – Сделаем все быстро, пока не вернулась Брисеида!

Старая рабыня, присматривавшая за детьми, взяла с них слово, что они никуда не будут отлучаться из сада, пока она пойдет в кухню, чтобы поесть. Она делала так каждый день, и дети всегда ждали ее между колоннами перистиля – внутреннего дворика, где находился сад с фонтаном.

Сейчас Брисеида действительно могла уже вернуться и на-

чать их искать, призвав на помощь и других рабов. Понимая это и зная, что разубедить брата не удастся, Кассия, чьи руки устали поддерживать край полотна, бросилась к Сексту и стала помогать ему заворачиваться в тогу. Несмотря на то, что задрапировать ее по всем правилам искусства дети не могли, даже тот ее небольшой кусок, что уже свисал с плеча мальчика, выглядел торжественно, красиво сочетается с голубой туникой.

Секст гордо выпрямился, пытаясь передвинуться поближе к полированному металлическому зеркалу, но ему не дали сделать это лежащие на полу части тоги.

Где-то в доме послышались голоса.

– Все! – заторопился Секст. – Кладем ее на место и убегаем.

Бросив облачение отца на землю, нескладно комкая, закрепляя где попало прищепками, толкаясь и мешая друг другу, дети сложили его. Кассия, стоя на стуле, запихивала тогу в сундук, пока Секст подталкивал тяжелое полотно снизу.

В саду, когда дети туда вернулись, Брисейды еще не было. Тем не менее, Кассию не отпускал страх за содеянное. Если не отец, то Нестор – его личный слуга, чья лежанка стояла в небольшой каморке возле спальни старшего Секста Кассия, – непременно заметит следы вторжения и, конечно, поймет, кто рылся в вещах хозяина. Так она и сказала брату.

– Старый дурак Нестор ничего никогда не заметит, – заве-

рил ее Секст. – А отец вообще не обращает внимания на всякие мелочи.

Несмотря на эти утешительные слова, Кассия чувствовала, что наказание за проступок непременно последует, и уже вечером убедилась в своей правоте.

Брисеида собиралась переодеть Кассию в теплую туннику для сна, когда со стороны прихожей вдруг послышались удары в дверь, после чего в атриии раздались грубые раздраженные голоса. Увидев испуг на лице няни, Кассия прижалась к ней. В маленькую спальню ворвался солдат в шлеме и в панцире. Ничего не объясняя Брисеиде, он вырвал у нее из рук девочку и, схватив ее подмышку, вынес в атрий. Там находилось несколько незнакомых людей – в форме городских когорт и в обычном платье. Родителей нигде не было видно. Кассия только успела заметить, как два дюжих солдата в шлемах увели в темноту упирающегося и вопящего от страха Секста.

Кассия отбивалась, кричала, просила не наказывать их, обещала никогда больше не трогать без разрешения вещи родителей. Ее рывком вывели на холодный вечерний воздух Эсквилина, один из солдат усадил перед собой на седло и натянул поводья. Кассия держалась изо всех сил, чтобы не плакать при посторонних людях, но не выдержала.

– Скажите маме и папе, что я так больше не буду! – просила она, размазывая рукой слезы, не обращая внимания на толчки седла.

Рядом скакали еще несколько солдат. Мимо пронеслись здания, выглядывавшие в этот час незнакомыми и пустыми. Никто девочке не отвечал, и она замолчала. По дороге она увидела на пустынной площади разбитую статую. Еще вчера, когда наставник Секста и Кассии, ученый грек Строфий водил детей гулять по паркам Эсквилинского холма, она стояла целой. Строфий говорил им, что это статуя очень важного человека, префекта претория по имени Сеян, и что в отсутствие цезаря, живущего в своей вилле на острове Капри и редко приезжающего в Рим, это самый главный человек. В городе статуй Сеяна было множество – они стояли на улицах, в общественных зданиях и в приемных залах частных домов.

Возле какого-то дома солдаты спешили и передали Кассию другим людям. Среди них тоже были вооруженные солдаты. Девочку охватил новый приступ страха и раскаянья, и она стала умолять, чтобы ее простили и отвезли обратно домой. Но, очевидно, провинность Кассии была слишком велика, потому что ее отвели вниз по мрачной лестнице и заперли в сыром и зловонном помещении, где не было ничего, кроме матраса на земляном полу. Где-то в углу с потолка капала вода.

За девочкой с грохотом захлопнулась дверь, в верхней части которой располагалось небольшое отверстие. Через это отверстие за ней наблюдал стражник, сидящий прямо на ступеньке.

Кассия стала бить в дверь, объясняя стражнику, что ни она, ни Секст больше никогда не нарушат родительских заповедей. Вскоре она выдохлась и обреченно уселась на матрас, обхватив колени руками.

– Меня ни о чем просить не надо, – равнодушно произнес вдруг стражник, до этого хранивший непроницаемое молчание. – Я делаю то, что мне приказывают.

Страх Кассии не проходил, но шло время, и он становился привычнее, от чего порой даже казалось, что никакого страха и нет, а есть только холод, тоскливое подземелье, скучная безучастная физиономия стражника и непрекращающийся стук капель.

Пришел второй стражник, и они какое-то время сидели вместе, тихо переговариваясь о вещах, непонятных Кассии, но имевших непосредственное отношение к ее нынешнему положению. Будь она постарше, она бы узнала из разговора стражников, что Луций Элий Сеян, еще недавно внушавший страх любому сенатору или всаднику, лишен всех своих должностей и казнен в тот же день за то, что замыслил убить цезаря. За соучастие в заговоре арестована Ливилла, племянница самого Тиберия, причем донесла на нее ее собственная мать, Антония. Теперь по всей империи лишались свободы люди, подозреваемые в связях с Сеяном. Во многих случаях в тюрьму сажали и детей арестованных.

Второй стражник тяжело посмотрел на понурую Кассию, куда-то удалился, а затем вернулся с солдатским одеялом

из грубого сукна и протолкнул его в каморку через отверстие в двери. Глухо прошелестев, одеяло упало рядом с Кассией.

– Укройся, – резко бросил страж.

– Когда вы отвезете меня домой? – спросила дрожащая Кассия, неумело закутываясь в одеяло. До сих пор ее всегда укрывали рабыни.

– Кстати, – тихо сказал стражник своему товарищу, не отвечая Кассии, – ее нельзя казнить, ведь она девственница. Это принесет Риму несчастье.

– Они, верно, не знают, как поступить с детьми, – заметил в ответ первый стражник, – поэтому и попрятали их по подвалам, вместо того, чтобы отвести в тюрьму. Но если все же решат придушить девочку, то, клянусь Геркулесом, ее сначала лишат девственности.

– Нет, на такое никто не пойдет! – передернулся его собеседник.

До сих пор Кассия прислушивалась к их разговору, потому что это было не так тягостно, как слушать непрекращающийся звук падающих капель, но теперь она совсем перестала понимать, о чем идет речь. Обретенная недавно невосприимчивость к страху вдруг исчезла, и ужас поглотил ее целиком – все ее крошечное, шестилетнее тело, и все ее незрелое, уже не сопротивляющееся сознание. Только теперь Кассия поняла, каким непереносимо суровым может быть наказание, которому взрослые подвергают детей.

Плач Кассии становился то тихим, приглушенным, то

превращался в раздирающие все тело рыдания. Маленькая рука ее натыкалась на грязную землю возле матраса. Она закрыла глаза и зарылась в одеяло. Вскоре по воцарившемуся на каменной лестнице молчанию она поняла, что один из стражников ушел.

Если бы Кассия только могла вернуться к тому мгновению, когда Секст с победным видом показал ей «ненадолго присвоенную», как он выразился, отмычку от сундука с личными вещами отца. Кассия хваталась за это воспоминание, переделывая его снова и снова, как будто в силу придумываемых ею изменений все действительно могло сложиться иначе.

Кассия представляла себе, что твердо отказывается участвовать в проделке брата и угрожает рассказать родителям о том, что он без спроса взял отмычку. Ей теперь казалось, что есть две Кассии. Одна из них, нынешняя, наказанная, находилась в холодном подземелье, и время для нее словно застыло. Другая же Кассия, более ранняя, находилась в перистиле прекрасного родительского дома, где нет всего этого ужаса, где надо только быть послушной девочкой, и тогда с тобой не случится ничего дурного.

Это раздвоение было для нее новым, незнакомым опытом, но странным оно не казалось, ибо в ее возрасте почти любой опыт является новым и незнакомым. Та из двух Кассий, что была в родительском доме, набравшись твердости духа, отказалась участвовать в затее Секста и поссорилась с ним.

Они так и не пошли в кабинет отца. Брат, обидевшись, назвал ее доносчицей.

Шаг за шагом проживала она снова эти часы, наслаждаясь чувством безопасности. После ссоры с Секстом Кассия отправилась в кухню, где обнаружила удивленную ее появлением старую няню и других рабов, и посидела там вместе с ними. Затем ходила вместе с Бисейдой в пекарню, в помещение для винного пресса, в кладовые и в амбар. Все это время ей было очень приятно чувствовать себя хорошей, послушной девочкой, которой ничего не угрожает.

Когда пришло время укладываться ко сну, Кассия не стала, вопреки своему обыкновению, спорить с няней. Она только спросила, не уложит ли ее спать мать, и Брисеида сказала, что родители придут поздно.

Каков же был ужас Кассии, когда в прихожей, а затем в атриумии снова зазвучали громкие голоса, и в ее комнату опять, как и в первый раз, ворвался солдат в панцире и шлеме. Она хотела прекратить происходящий ужас и вообразить все по-другому, но у нее это почему-то не получалось. Солдат все равно хватал ее и выносил в атриум. И снова Кассия видела, как уводят брата, а родителей нигде нет. Она решила, что Секст все-таки осуществил свой замысел, пробрался в кабинет отца один, без сестры, и залез в запретный сундук, а теперь эти солдаты в шлемах думали, что и она в этом участвовала.

Ничего не рассказывая о брате, чтобы его не выдать – ей

все же было обидно, что он назвал ее доносчицей, – Кассия отбивалась, просила выслушать ее, кричала, что она ничего плохого не сделала, но никто ее не слушал. Один из солдат посадил ее рядом с собой на седло, затем он и другие солдаты скакали через пустынные площади с разбитыми статуями вчерашнего властителя, и Кассию опять привели в этот подвал. Она так и не сумела остановить поток своего воображения, пока в голове не произошло что-то вроде щелчка, и время ранней Кассии не соединилось со временем Кассии нынешней.

Теперь была только одна девочка – утомленная вторичным переживанием тягостных событий, обессиленная собственными рыданиями и страхами, но согретая под колючим солдатским одеялом. На мгновение в расплывающихся мыслях Кассии мелькнула догадка о том, что ее нынешнее заключение никак не связано с давешним проступком в отцовском кабинете. Мелькнула и исчезла, когда девочка погрузилась в сон.

Утром Кассия вся пылала, нос был забит, дыхание давалось с трудом, сознание мутилось. Она ненадолго просыпалась и снова погружалась в беспокойный сон. В этом состоянии Кассия почти не замечала происходящих вокруг нее перемен. Ей было понятно только одно: ее снова привезли домой, вокруг – обычные предметы, привычные лица, хлопчущая Брисеида. Мрачное подземелье исчезло. Приходил врач, осматривал девочку, что-то говорил родителям. В одно

из своих пробуждений Кассия увидела обеспокоенное лицо матери, и это было необычно, потому что мать нечасто баловала ее своим вниманием. Ей хотелось заверить мать, что она больше не будет делать то, что не положено, но говорить было трудно.

Через два дня Кассия уже чувствовала себя намного лучше. Жар прошел, речь не причиняла неудобств, но она все еще лежала в постели. Отец, обычно рассеянный, витающий в мыслях где-то далеко, во время одного из своих посещений вдруг протянул к ней руку. Кассия сжалась, боясь новой порции истязаний, но старший Секст Кассий погладил ее по голове. Заметив странное выражение на лице дочери, он озабоченно спросил:

– Что тебя беспокоит, дорогая?

Ласковый тон и участливый взгляд успокоили девочку, и она, набравшись храбрости, спросила:

– Ты больше не злишься за то, что мы помяли твою тогу?

– Помяли тогу? – Непонимающе переспросил отец, приподнимая правую бровь. Затем он грустно улыбнулся. – Тебе, верно, привиделось это, когда ты болела. Никто не мямл моей тоги. Впрочем, если тебе так хочется, я дам тебе свою старую тогу, которую больше не ношу, и ты сможешь мять ее в свое удовольствие, бедная моя девочка. Столько пережить в твои годы...

На следующий день Кассия спросила брата, каким было его наказание за помятую тогу отца.

– Какую тогу? – удивился Секст. – Ты же сказала, что расскажешь родителям про ключ, и мне пришлось вернуть его на место. Но все это пустяки, детские игры.

До этого разговора Кассии казалось, что эпизод с ее отказом участвовать в проделке Секста и угрозой рассказать о нем родителям, она придумала, находясь в подвале. Теперь она сама уже не понимала, что было выдумкой, а что правдой.

Для полного выздоровления потребовалось еще несколько дней. Страшные события ночи, проведенной в заточении, вспоминать не хотелось. Кассии стало даже казаться, что они полностью забыты. Но иногда, увидев на улице легионера или центуриона, девочка вздрагивала, даже не понимая природы своего безотчетного страха.

Впоследствии Кассия узнала, что гибель грозила в ту ночь всей семье. Но Фортуна оказалась милостива, и влиятельным заступникам удалось убедить нового префекта претория, Невия Сутория Макрона в непричастности Секста Кассия Пармского и его жены Луциллы к заговору Сеяна. Родители были освобождены из-под стражи, и в то же утро они забрали детей, проводивших ночь в заточении в подвалах частных домов.

* * *

В восемь лет Кассия поинтересовалась у отца, откуда взя-

лись их имена.

Разговор проходил в июле, в пустом триклинии. На столе стояли миски с козьим сыром и мелкими сочными оливками и глиняная чаша с обжаренными в меду финиками, начиненными грецкими орехами. Легкий завтрак, не требующий возлежания и суеты прислуживающих рабов.

Секст Кассий, не любивший облачаться в бесчисленные складки тоги и делавший это только перед выходом в присутственные места, был одет сейчас в легкую холщовую тунику. Устроившись поудобнее на трехместном ложе, он объяснял сидящей рядом с ним дочери, что они относятся к большому и знатному римскому роду Кассиев, а семья их происходит из Пармы – у них по-прежнему есть в этом городе дом, – поэтому мужчины после личных имен носят имя «Кассиус Пармензис», т.е. «Кассий Пармский». Есть и другие, более известные семьи этого рода, например Кассии Лонгины, Кассии Вары, Кассии Висцелины. Женщины рода чаще всего именуется просто Кассиями. Иногда к их именам добавляются такие эпитеты как «Старшая», «Младшая», «Первая», «Вторая» и т. д.

– Почему же я не только Кассия, но еще и Луцилла? – спросила девочка, поправляя поясok своей вишневого цвета туники из тонкого греческого шелка.

– Второе имя я решил дать тебе в честь твоей матери, – объяснил Секст Кассий, рассматривая дочку и не в первый раз думая о том, что раньше она походила на него нескладно-

стью тонкого тела и некоторой непропорциональностью черт лица, а с годами усилилось ее сходство с Луциллой: тонкая кость, белая, словно фарфоровая кожа, рыжие кудри, которые хотелось называть «золотистыми локонами».

Луч солнца скользнул по лицу девочки, и она прищурила зеленые глаза, превратившиеся сейчас в две тонкие, вытянутые щелки – точно, как это бывает у кошек. Секст Кассий рассмеялся и добавил:

– Если бы я знал, что ты будешь так хорошо ладить с цифрами, я назвал бы тебя еще и Пифагором. Разве плохо звучит: «Кассия Луцилла Пифагор»?

Кассия уже год посещала начальную школу, где более всех ее хвалил педагог, обучавший детей счету и называвшийся калькулятором. Другой учитель – литератор – преподавал чтение, письмо и греческий язык. Его очень удивляла способность девочки подражать чужому почерку. Кассия с нетерпением мечтала о тех временах, когда ей исполнится двенадцать лет, и она завершит свое начальное обучение, после чего – как обещал отец – частные преподаватели будут учить ее риторике, геометрии и математике, танцам, музыке и пению. Многие знатные римляне давали хорошее образование не только сыновьям, но и дочерям. Родители Секста и Кассии принадлежали именно к этой категории.

В ответ на шутку отца Кассия улыбнулась – после того ночного ареста она никогда не смеялась, только иногда улыбалась, и чаще всего это была мимолетная ухмылка одной

стороной рта. Затем, посерьезнев, продолжала расспросы. Ей хотелось знать, почему и отец, и брат ее носят личное имя «Секст», что означает «шестой».

– Ведь ты старше, чем дядя Публий, – веско сказала она, поднимая палец жестом маленького риторика. – Ты должен быть первым, а не шестым. А у Секста вообще нет братьев, но даже если бы у нас тогда родился брат...

На последних словах она запнулась, потому что это была запретная тема. Два года назад, после ночи проведенной в тюрьме ее мать родила мертвого мальчика. С тех пор она больше не могла зачать. Характер Луциллы, и без того не отличавшийся приветливостью, испортился еще сильнее, и домочадцы старались теперь избегать разговоров о том, что могло напомнить ей трагически оборвавшуюся беременность.

Однако отец не заметил оговорки Кассии. Он, казалось, задумался совсем о другом.

– Коль ты уже и сама об этом спрашиваешь, пришло тебе время узнать, – ответил он наконец. – Твоего прадеда звали Квинт Кассий Пармензис, и он действительно был пятым мальчиком в своей семье, о чем и говорит его личное имя.

– Я никогда о нем не слышала, – удивленно произнесла Кассия, забыв поднести только что взятую со стола оливку ко рту. – Где же в ларарии его маска?

Ларарием назывался шкаф, где стояли статуэтки фамильных ларов – духов-покровителей домашнего очага, – и хра-

нились восковые маски предков. Кассия иногда с интересом рассматривала их. На каждой было запечатлено какое-то выражение лица, и было понятно, что ваятели не делали слепков с лиц умерших, а изображали этих людей такими, какими те были при жизни – веселыми, задумчивыми, гордыми, чванливыми.

– Квинта Кассия Пармензиса там нет, – сказал отец. – Он потерял право на посмертную маску, когда поддержал Антония и выступил против Октавиана.

От неожиданности Кассия резко вскочила, опрокинув чашу с финиками. Та с грохотом упала на пол и раскололась на два черепка, растеряв свое сладкое содержимое.

– Значит, мы противники цезаря..., – прошептала девочка, помертвев. В солнечном сплетении стянулся невидимый жгут, в уме зашевелились воспоминания о темном сыром подвале и глухих голосах стражников, сидящих на каменных ступенях.

– Нет, нет, дорогая моя! – успокаивающе заговорил Секст Кассий и привлек дочку к себе. – Цезарь был утвержден сенатом, и мы безусловно признаем это решение.

– Расскажи о Квинте, – попросила Кассия, ежась и прижимаясь к отцу.

– Под его началом был целый флот, и он двинул его, чтобы поддержать Антония в решающем сражении.

– Ты говоришь о битве при Акциуме? – догадалась Кассия.

Отец улыбнулся.

– Какая хорошая у тебя память! Запоминаешь все, что тебе рассказывают учителя. Жаль, что боги не одарили твоего брата такими же способностями. Да, я говорю о той битве. После поражения ему удалось бежать в Афины. Там его убили по приказу Октавиана.

Кассия заметила, что отец не назвал Октавиана Августом, т.е. «Священным».

– Поэтому, – заключил отец, – маски Квинта Кассия у нас нет, говорить о нем не принято, его стихи – он был замечательным поэтом-трагиком – уничтожены, и даже его личное имя – Квинт – мы больше не используем. Оно в нашей семье запрещено, так же, как и имя «Марк» в семье потомков Марка Антония. Но мы с тех пор всегда называем старших сыновей Секстами, «шестыми», потому что, несмотря на запреты, помним, что мы пришли в этот мир после нашего предка, звавшегося Квинтом, «пятым». Таким образом мы чтим его память. А чтить нашего предка мы должны, ибо он пытался спасти республику от тирании. Еще до гражданской войны он участвовал в заговоре Брута и Кассия.

– Как?! – удивилась девочка. – Квинт был тем самым Кассием, который вместе с Брутом убил Юлия Цезаря? Но этого не может быть: тот Кассий был не Пармензисом, а Лонгином!

– Ты опять права, – согласился отец, улыбнувшись. – Квинт Кассий Пармский был не самой важной фигурой в заговоре, но он тоже в нем участвовал.

После этого разговора в отношениях между Кассией и старшим Секстом появилась новая, доверительная нотка. Дочь очень серьезно относилась к предостережениям отца о том, что эти беседы нельзя никому пересказывать. По мере взросления она все яснее осознавала необходимость такой осторожности.

Чем старше становилась Кассия, тем лучше она осознавала, что, несмотря на слова отца о необходимости уважать императора, ибо он «назначен сенатом», в действительности мужчины семьи – и отец, и брат, и дядя с его двумя сыновьями, – были убежденными республиканцами, как и их предок Квинт. Они все чаще вели подобные разговоры между собой в ее присутствии, а позже – и с ее участием. Никто из них не верил, что человек, обладающий неограниченной властью, способен устоять перед ее соблазнами и не превратиться в кровавого деспота.

Правоту такого взгляда чуть ли не ежедневно подтверждали известия об арестах богатых и знатных людей Рима по обвинению в оскорблении величия императора. Очень часто судебное преследование возбуждалось на основании доносов, завершаясь казнью и конфискацией имущества жертвы. Среди пострадавших было немало знакомых Кассиев, в том числе и людей, связанных с ними узами дружбы.

Страх царил повсюду, он проникал во все дома, разъедавая ценности и растлевая умы. Именно страх заставил Секста Кассия отдать дочку в начальную школу, хотя достаток

вполне позволил бы ему приглашать для нее частных учителей, не дожидаясь, пока ей исполнится двенадцать. Однако подобная неосторожная демонстрация богатства могла привлечь внимание осведомителей императора. Конфискация имущества жертв доносов стала при Тиберии действенным средством пополнения императорской казны.

В результате Кассии в течение пяти лет, в любую погоду приходилось в сопровождении своего воспитателя Стрория ежедневно, за исключением праздничных дней, проходить немалое расстояние от дома на Эсквiline, до Форума, где располагалась школа – неказистое деревянное здание с дырявым навесом вместо крыши.

Кассии открылся совсем не тот Рим, к которому она привыкла в раннем детстве. Простор и чистота, большие особняки-домусы знатных людей, рощи, парки, фонтаны, портики, изящные скульптуры, величественные храмы с колоннадами – все это было характерно для аристократических районов, расположенных главным образом на римских возвышенностях. Внизу, на улицах, через которые приходилось идти в школу, царил немислимая теснота прижатых друг к другу ремесленных и торговых лавок, таверн и многоэтажных доходных домов-инсул с их крошечными комнатками, где ютилась беднота. Здесь всегда было мокро, грязно, шумно. Во многих местах сточные воды из древней канализационной системы Рима, так называемой Большой Клоаки, просачивались на поверхность, добавляя свое зловоние к жгу-

чей смеси плывущих над этими улицами запахов. Пешеходы и конный транспорт создавали опасную для передвижения толчею, грязь на таких улицах, как Субура или Аргилет, часто стояла по щиколотку.

В школе Кассия проводила дни напролет, с утра до самого вечера, вместе с детьми из бедных семей, повторяя вслух таблицу умножения и неправильные глаголы. Самым трудным был обратный путь домой, после изматывающего учебного дня, через Аргилет, мимо лавок сапожников и ремесленников, затем все время в гору, в верхнюю часть Эсквилинского холма.

В одиннадцать с половиной лет Кассия Луцилла уже отчетливо осознавала странную двойственность своего положения в этом мире. Ей казалось, что над ней насмеваются могущественные, но легкомысленные боги. Девочка то наслаждалась защищенностью и комфортом, то становилась добычей страхов перед чужой злой волей.

Роскошь родительского дома, отчетливо осознаваемый недостаток Кассия воспринимала как нечто очевидное и заслуженное самим ее происхождением. У семьи были большие дома с термами, библиотеками и гимнастическими залами в Риме и Парме, а также загородная вилла с обширным поместьем в Байях, куда члены семейства Секста Кассия часто ездили, чтобы любоваться закатами и купаться в волнах прибоя. Поместье приносило доход, позволявший членам семьи продолжать жить в изысканной праздности, не опуска-

ьясь до унижительной зависимости от отупляющей работы ради заработка, и проводить немалую часть времени в банях, в Большом Цирке, в амфитеатрах, наблюдая такие захватывающие зрелища, как гладиаторские бои, колесничные бега, травли диких зверей. И, конечно, ходить в театры на лучшие постановки греческих и римских пьес.

Множество рабов и рабынь исполняли желания членов семьи, и Кассии была по душе эта забота. Ей нравились прически, долго сооружавшиеся на ее голове двумя рабынями. Ее апельсинового цвета волосы теперь были обычно завиты волнами. Низко на шее уложен был в виде плоской раковины пучок из тоненьких косичек. Кассии было приятно выбирать цвета туник и накидок, и она быстро привыкла к геммам и браслетам. Казалось вполне справедливым жить в доме с множеством залов и комнат, с мозаикой на полах и фресками на стенах, с садом в перистиле, посреди которого струились воды фонтана. Большие стеклянные и керамические амфоры, лампы из бронзы, а не из раскрашенной под бронзу глины, курильницы с благовониями, подогрев пола в некоторых залах, подключение к водопроводной системе, проходившей через восточную часть Рима, – все это, как считала Кассия, было устроено правильно и справедливо.

Однако жизнь являла Кассии и обратную сторону. В первую очередь это был всепроникающий страх, питавшийся слухами и известиями об арестах и казнях. Это был ужас мира взрослых, но к нему добавлялись и непосред-

ственные переживания самой девочки.

Вольноотпущенник Зенон, которому принадлежала школа, зная, что Кассия Луцилла – девочка из богатой семьи, не сек ее розгами за провинности и ошибки, как других детей, но, чтобы она не слишком выделялась, весьма часто и преобильно бил ее по пальцам линейкой-ферулой. Кассия едва ли смогла бы с уверенностью ответить на вопрос, чего она боится больше: ареста родителей или очередного взмаха ненавидимой линейки. И что ей отвратительно больше: безразлично-брюзгливое лицо Зенона, насмешливые взгляды других учеников – мальчиков и девочек, – не прощавших ей то, что ее никогда не секут, или само это переживание страха перед ударом, съеживающее все ее существо до липкого, дрожащего комка.

* * *

Но двенадцатилетний возраст наконец наступил, принес с собой освобождение от ненавистной школы. Теперь Кассию обучали приходящие на дом учителя, клиенты¹¹ ее отца, и им, разумеется, никогда не пришло бы в голову поднять руку на дочь патрона, несмотря на то, что Кассии – с ее посредственным слухом и негибким, слишком худым и слабым

¹¹ Клиенты – бедные римляне, часто вольноотпущенники, которые находились под покровительством богатого патрона и получали от него материальную поддержку. Они обычно сопровождали патрона в присутственные места, призывали людей голосовать за него на выборах на общественные должности т. п.

для ее возраста телосложением – не легко давались музыка и танцы.

Это был год консульства Прокула и Понтия Нигрина. Спустя очень много лет, если не сказать больше, Кассии Луцилле доведется разобраться с календарем христиан, и тогда, вспоминая события этого года, она сможет назвать его 37-м годом от рождения Иисуса. 16 марта этого года умер Тиберий, завершив 23 года своего правления и не дотянув до 80-летнего возраста. Через два дня сенат утвердил принцепсом¹² его внучатого племянника, Гая Цезаря.

«Так он достиг власти во исполнение лучших надежд римского народа или, лучше сказать, всего рода человеческого», – напишет впоследствии о Гае Цезаре историк Светоний.

Для знати приход Гая к власти означал надежду на окончание эпохи непрерывного страха перед произволом власти. Что же до простого люда, то он был рад новому императору еще больше, перенеся на Гая Цезаря любовь к его прославленному доблестью и благородством отцу, Германику.

Несколько лет назад Германик был отравлен в самом расцвете своей славы полководца и политика, и многие подозревали, что убийство произошло с ведома, если не по прямому приказу, его родного дяди, императора Тиберия, опасавшегося растущей популярности Германика. Старшие братья

¹² Принцепс – первый в списке сенаторов. Начиная с Октавиана Августа, этот термин фактически превратился в один из эпитетов императора.

будущего императора Гая были сосланы вместе с их матерью Агриппиной на пустынный остров в Тирренском море, где все трое вскоре встретили свою смерть. Один из них покончил с собой, другой был заморен голодом. Агриппина жила на острове в нищете и подвергалась постоянным издевательствам и побоям со стороны центурионов. Однажды от удара в лицо она потеряла глаз. Обстоятельства кончины супруги Германика остались невыясненными, но ходил слух, что она добровольно довела себя до смерти голодом.

Теперь выживший представитель этой всенародно оплакиваемой семьи стал цезарем, что выглядело восстановлением справедливости по воле всемогущих олимпийских богов.

С еще большей радостью встретила приход к власти 24-летнего Гая Цезаря римская армия, с особым трепетом чтившая память справедливого и победоносного Германика. Многие ветераны, воевавшие в лесах Германии, помнили Гая ребенком, когда он жил в военных лагерях, повсюду сопровождая отца. Будущий цезарь ходил тогда в уменьшенной копии солдатской формы, и за маленькие легионерские сапоги его с тех пор и прозвали Калигулой, т.е. «сапожком».

«Народ по пути встречал его густыми ликующими толпами, с алтарями, с жертвами, с зажженными факелами, напутствуя его добрыми пожеланиями, называя и „светиком“, и „голубчиком“, и „куколкой“, и „дитяtkом“. А когда он вступил в Рим, ему тотчас была поручена высшая и полная власть

по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию¹³ толпы», – будет писать о Калигуле Светоний.

О том, что Гай Цезарь публично объявил конец эры доношительства, Секст Кассий узнал от своего друга, Авла Курция. Семьи Кассиев Пармензисов и Курциев уже несколько поколений связывали узы гостеприимства.

– Повтори же, мой Авл, то, что ты только что сказал, – попросил его изумленный Секст.

– С удовольствием повторю это хоть сто раз! – воскликнул Авл, фыркая, зачерпывая воду обеими ладонями и плеща ее на свое одутловатое лицо и толстую шею. Он стоял в теплой воде бани в эсквилинском доме Секста Кассия, где наслаждался купанием вместе с хозяином дома и его братом Публием. – Принцепс помиловал всех осужденных и сосланных по всем обвинениям, возбужденным на основании доносов.

– В это нелегко поверить, – проговорил Публий Кассий Пармензис, младший брат Секста, лежа на топчане и постанывая от удовольствия под сильными руками плечистого бритоголового раба, массировавшего ему спину. Публий был неисправимым сибаритом, и что-то в его чувственных губах показывало, что меланхоличность Секста ему совершенно несвойственна.

Секст Кассий сидел на ступеньках, ведущих в бассейн с подогретой водой, и от этого Авл рядом с ним казался не таким малорослым, как обычно. Члены семейства Курциев уже

¹³ Имеется в виду Юлиева Курия – здание, где заседал римский сенат.

не в первом поколении оправдывали смысл своего родового имени¹⁴.

Купальня была освещена яркими огнями стройных, достигающих в высоту половины человеческого роста, бронзовых светильников. Над поверхностью воды клубился пар. В некотором отдалении от взрослых плескались, обсуждая что-то со смехом, их сыновья: Секст Младший, которому уже было шестнадцать лет, сын Авла, Кезон и двое сыновей Публия – четырнадцатилетний Гней и восьмилетний Агриппа. Кезон был ровесником Секста. Невысокий, как все Курции, он, в отличие от толстого и неповоротливого Авла, был худ, жилист и как-то весь подобран, словно в любой миг ожидал нападения сзади.

Мальчики недавно пришли в купальню из гимнастического зала, уступив его свои сестрам. Все они были коротко и аккуратно пострижены, как и их отцы.

– И это еще не все, – продолжал Авл Курций. – Гай объявил на Форуме в присутствии большого стечения народа, что для доносчиков, как он выразился, его слух закрыт. Документы, относящиеся к делам матери и братьев, он сжег на глазах у всех, призывая в свидетели небожителей и клянясь, что ничего в них не читал и не собирается никому мстить за судьбу своей семьи.

Старшие мальчики, уловив отдельные его слова, подплыли к ним, подняв брызги, и теперь с интересом слушали

¹⁴ Курций (Curtius) – от латинского *curtus*, «укороченный, срезанный».

разговор взрослых. Волны на поверхности воды постепенно успокоились, превратившись в мелкую зыбь.

– Теперь все вдруг осмелели. Вчера дрожали перед Тиберием, а сегодня открыто порицают его, – заметил, вставая с топчана, Публий.

Секст Кассий кивком головы отпустил раба и, дождавшись, пока тот исчез в одной из арок, соединявших купальню с другими частями дома, произнес с нажимом:

– Друзья мои, забывать об осторожности нельзя! Настроения цезаря могут легко перемениться, не говоря уже о том, что у нас и сейчас нет особых причин верить в его искренность. К тому же мы все понимаем, что ни один цезарь, даже самый добродетельный и справедливый, – каковым я отнюдь не считаю Гая Калигулу, – едва ли устоит перед соблазнами неограниченной власти.

Перехватив его взгляд, Авл с удивлением спросил:

– Ты ждал ухода раба, прежде чем это сказать, мой Секст?

– Разумеется, – подтвердил Секст Кассий. – Глупо призывать к осторожности, не проявляя ее. Конфискация имущества на основании доносов уже доказала свою действенность при Тиберии, который, надо сказать, отличался невероятной скупостью и денег не транжирил. О Калигуле же, напротив, известно, что он проводит жизнь в пирах и увеселениях. Если он промотает состояние, оставленное ему дедом, то тем более прибегнет к этому испытанному средству. И тогда каждому припомнят неосторожные слова, произнесенные в эти

радостные дни! Многим же, в придачу, припишут и то, чего они никогда не говорили!

– Конечно, такое вполне может произойти, – согласился его брат, спускаясь в подогретую воду по каменным ступенькам сквозь завесу пара. – Но я разделяю удивление Авла. С каких это пор мы не можем свободно разговаривать при собственных рабах? Этак мы скоро начнем остерегаться и статуй!

– У статуй нет памяти и желаний, – возразил Секст.

– Но ведь никакой суд не примет к рассмотрению показания раба! – удивленно заметил Авл.

Секст не ответил. Ему и самому была не по душе собственная подозрительность, но в одночасье избавиться от нее после стольких лет страха и оглядки было непросто.

Когда мужчины и мальчики, вытершись и одевшись с помощью домашних слуг в легкие, удобные для ужина, туники, проходили мимо гимнастического зала, оттуда доносились голоса девушек. Заглянув туда, Секст Старший возвестил:

– Дорогие мои, слуги уже готовят для вас купальню, но долго там не засиживайтесь, иначе начнем ужинать без вас!

Помимо повязок, закрывавших грудь и бедра, на девушках ничего не было. Невысокая, как и все остальные члены ее семьи, но коренастая и крепкая Курция Прима, старшая из трех дочерей Авла, не обратив внимания на слова Секста Кассия, откинула левой рукой мешавшую ей черную прядь

с блестящего от пота лба и с силой бросила набитый опилками мяч в сторону Кассии Пульхры, единственной дочери Публия. Та, не надеясь отбить удар, почла за лучшее увернуться и успела сделать это в самое последнее мгновение перед тем, как мяч пролетел мимо ее головы и по странному совпадению попал в гипсовый мяч, который держала в руке стоящая у стены скульптура атлета.

Остальные девушки, услышав, что скоро можно будет залезть в воду, тут же оставили свои гирьки на полу и решительно направились к выходу из зала. Первой, конечно, шла единственная в этой компании рыжая девушка, тонкокостная и сублильная Кассия Луцилла. Ее нежелание заниматься гимнастикой было очевидным, и Секст в очередной раз пожалел, что уступил настойчивости жены и не освободил дочь от этих занятий. Он знал: если бы Кассию предоставили самой себе, она сидела бы сейчас в перистиле, рассеянно поглядывала бы на струи воды, вырывающиеся изо рта мраморного дельфина, и набрасывала бы металлическим стилем на навощенной табличке треугольнички и другие геометрические фигуры.

* * *

Для Рима начались новые времена. Прежний принцепс, прижимистый Тиберий, не баловал римлян дорогостоящими зрелищами. Теперь же последовали бесконечные гладиатор-

ские сражения, соревнования возникших и прочие развлечения. Давались они с невиданным размахом, и казалось, что довольный плебс никогда не устанет прославлять своего веселого молодого императора, безоглядно тратившего средства из оставленной его предшественником огромной суммы в императорской казне. Однако через несколько месяцев люди начали уставать. В избыточных количествах надоедает все, даже удовольствия. Тем более, что непрерывная череда развлечений отвлекала римлян от заработка.

Спустя восемь месяцев после начала своего правления, Гай Цезарь серьезно заболел, оказавшись на грани смерти. Любовь римлян к сыну Германика была столь велика, что некоторые из них обещали богам пожертвовать собственной жизнью, лишь бы выжил принцепс. Впоследствии, спустя много месяцев, Калигула, томясь скукой, разыскал этих людей и припомнил им их обеты. Одного из них по приказу Гая сбросили с Тарквиниева вала, дабы его обет был исполнен. Другого нарядили гладиатором и отправили сражаться на арену, отпустив на волю только после его победы.

Остается лишь гадать, действительно ли именно болезнь так повлияла на нрав Калигулы, что сразу после нее начались времена жесточайшей тирании и преследований. Возможно, безумие овладело сознанием Гая еще в раннем детстве в связи с арестом отца, гибелью матери и братьев. Многие, в числе которых был и Секст Кассий, считали, что до заболевания цезарю просто удавалось держать в узде свою же-

стокость и распущенность, поскольку ему было важно снискать любовь народа и доказать свое превосходство над деспотом Тиберием.

Так или иначе, но Гай Цезарь выжил, и с тех пор характер его правления резко изменился. Он всерьез уверовал в то, что является божеством во плоти, и стал требовать божественных почестей не только по отношению к себе, но и к трем своим сестрам – Друзилле, Ливилле и Агриппине (матери будущего императора Нерона). С первой из них, Друзиллой, он к тому же открыто находился в кровосмесительной связи, заставив ее мужа, дальнего родственника Пармензисов, сенатора Луция Кассия Лонгина, дать ей развод.

Калигула стал появляться на общественных приемах в традиционном одеянии богов, облачаясь то в Юпитера, то в Венеру, то в Марса, то в Аполлона, и требовал, чтобы к нему обращались соответственно. Часто он становился между статуями Кастора и Поллукса в храме Диоскуров, и тогда посетителям надлежало величать его Юпитером Латинским. В храме Юпитера Капитолийского люди часто слышали, как Гай громко разговаривал с богом, то обличая его, то ссорясь с ним, то мирясь.

Согласно действовавшей до сих пор традиции, император при жизни обожествлялся только в восточных провинциях империи, где издревле было принято считать правителей богами. В западных областях императоры обожествля-

лись лишь после смерти.

Калигула нарушил эту традицию, считая себя подлинным богом прямо сейчас, в своем человеческом облике. Ему был посвящен храм, где было установлено его изваяние. Должность верховного жреца исполняли поочередно самые богатые римляне, соперничая друг с другом ради такой чести и платя огромные взносы. В жертву приносили птиц, в зависимости от дня, – павлинов, фламинго, фазанов, цесарок. В различных храмах Италии и Греции по указанию цезаря со статуй божеств были сняты головы и заменены скульптурными головами самого Гая...

Кассии Луцилле было тринадцать лет, когда вновь ожили ее почти забытые детские страхи. Гай Цезарь сумел к тому времени истощить казну, казавшуюся поначалу бездонной. Теперь, в полном соответствии с невеселыми предсказаниями Секста Кассия, возобновилась практика доносительства. Но если Тиберий пользовался услугами специально созданного для этого Сеяном штата соглядатаев, то Калигула поступил иначе, в очередной раз продемонстрировав, как мало значили для него традиционные римские ценности.

Суды стали принимать к рассмотрению доношения рабов, уличавших своих хозяев в оскорблении величия императора. Это действительно было неслыханно. Теперь никто не мог чувствовать себя в безопасности даже в собственном доме. Если тот, на кого доносили, был небогат, и его бедность была очевидна, он еще мог избежать расправы. Если же до-

нос поступал на человека обеспеченного, то его участь была предрешена: скорый арест, лишение прав, казнь и конфискация имущества в пользу казны. Раб-доносчик получал свободу и часть конфискованной собственности хозяина. Некоторые, поняв, что Цезарь решил наложить руку на их богатство, кончали самоубийством, не дожидаясь судебного разбирательства, чтобы спасти свои семьи от нищеты.

Излишне говорить, что теперь только и было разговоров – воплолоса, шепотом, с оглядкой, – что о казненных друзьях и родственниках. Кошмар времен Тиберия вернулся в многократно увеличенном размере. Слушая эти обсуждения, Кассия невольно вспоминала мрачные своды подземелья, грубых преторианцев, перестук капель. Память о страхе тогдашнем сливалась воедино со страхом нынешним, скручивая внутренности и вызывая дрожь в пальцах. Близость беды была столь ощутимой, что у Кассии больше не оставалось сомнений: в скором времени что-то случится. То же самое чувствовали и все остальные домочадцы. Поэтому мало кто удивился аресту Публия Кассия Пармензиса.

В тот день было ощутимо жарко уже с утра, а во второй половине дня солнце так раскалило город на семи холмах, что стало трудно дышать. Поэтому, хотя Публий жил недалеко от Секста, в том же районе Эсквилина, семейство отправилось на ужин к Публию не пешком, а в закрытых занавесками и навесами носилках.

Шесть рослых бритоголовых рабов несли передние но-

силки, где сидели Секст Кассий и Луцилла, и столько же – вторые, в которых расположились Секст Младший с сестрой. Рядом с передними носилками шел вольноотпущенник-номенклатор, чьей обязанностью было напоминать хозяину имена приветствовавших его прохожих. Девочке было плохо его слышно. Она помнила, как во время прошлого семейного выезда номенклатор перепутал имена двух римских всадников, и не хотела пропустить подобную забаву, случись она и в этот раз. Поэтому Кассия то и дело высовывала голову из-за занавесок к неудовольствию изнывавшего от жары Секста.

– Привыкай к лишениям прямо сейчас, иначе трудно тебе придется нести службу в легионе где-нибудь на границе с Парфией! – огрызнулась Кассия на очередной ворчливый упрек брата и вдруг замолчала. Ее внимание привлекли фигуры двух мужчин в темных плащах в тени между домами, мимо которых двигались сейчас носилки. Один из них был Кассии незнаком, но в другом, длинноволосом, она узнала домашнего писца Этеокла. Эти черные с начинающейся проседью кудри были признаком его привилегированного положения среди рабов Секста Кассия.

Писец как раз передавал своему собеседнику лист папируса, когда заметил процессию и, поспешно отвернувшись, отошел вглубь проулка, где его уже нельзя было увидеть.

– Разве отец не велел сегодня Этеоклу переписать стихи Сафо, которые одолжил ему Курций? – спросила Кассия, за-

дернув занавеску.

– Как будто да, – ответил Секст. – Только тебе-то что за дело до этого?

Сексту уже было семнадцать лет. Он был значительно выше сестры. Внешне походил больше на отца – русые волосы, неправильные черты лица, безвольный подбородок. От матери унаследовал лишь зеленоватый цвет глаз.

– Я только что видела Этеокла, – сказала Кассия. – Но его сейчас здесь не должно быть. Значит, он нарушил приказ отца.

– Ты же знаешь, как отец всегда попустительствует рабам. В этом нет ничего необычного. Если хочешь, чтобы его наказали, лучше скажи об этом матери.

– С ним был еще кто-то, и Этеокл передал этому человеку лист папируса, – что-то в этом незначительном происшествии казалось Кассии неприятным и неправильным, но она не могла определить, что именно.

– Вероятно, написал для кого-то письмо или завещание под диктовку, – предположил Секст. – Подрабатывает вне дома, чтобы скопить денег. Писец он очень опытный, поэтому к нему и обращаются. Не думаю, что отец сильно накажет его за такое дело, если Этеокл вовремя закончит переписывать Сафо.

Слова брата успокоили Кассию. Она откинулась на подушки и закрыла глаза. Упоминание Сафо вызвало в ее памяти стихи:

Потом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становятся травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.
Но терпи, терпи: чересчур далёко
Все зашло¹⁵.

Легкая качка и завораживающий ритм греческих строк убаюкали Кассию, но только она задремала, как ее разбудил Секст.

– Сестрица, приехали, – сказал он и рассмеялся сходству Кассии с просыпающейся кошкой. Сам Секст, если бы могущественная волшебница обратила его в животное, скорее всего обнаружил бы себя в облике барсука.

Вход в дом был почему-то заколочен. Сбоку к входу примыкали лавки, где торговали клиенты Публия. Три из них были сейчас закрыты. В четвертой лавке прибывшие гости обнаружили управляющего дяди Публия и всех троих его детей. На улице, снаружи от прилавка столпились рабы Секста Кассия, доставившие носилки своих хозяев. Увидев дядю, Гней сделал шаг ему навстречу и попытался что-то поведать, но горе мешало ему говорить, и он отвернулся, чтобы не разрыдаться у всех на виду. Сидящие в обнимку возле мешков с зерном Пульхра и ее младший брат Агриппа только подняли к вошедшим заплаканные лица.

¹⁵ Перевод с древнегреческого Викентия Вересаева.

Управляющий рассказал, что с час¹⁶ тому назад в дом ворвались солдаты претория с утвержденным сенатом решением об аресте Публия и его жены. Центурион преторианцев открыто заявил, что решение было утверждено на основании донесения раба. Управляющий говорил об этом с каменным выражением лица, очевидно боясь, как бы кто-нибудь из присутствующих не уличил его в сострадании к арестованным врагам императора. Секст Кассий тяжело опустился на скамейку, сын его подошел к Гнею и обнял его за плечи. На лице у Луциллы обычное выражение недовольства сменилось нескрываемым ужасом.

Кассия больше не могла сопротивляться натиску воспоминаний. От страха в ней все сжималось. Она словно опять стала шестилетней девочкой, которую без всякой вины можно обесчестить и задушить по прихоти незнакомого ей человека, почему-то наделенного властью отнимать чужие жизни. И тут ей вспомнился Этеокл, передающий папирус незнакомцу в темном переулке. Почему он сразу спрятался, увидев процессию? Не узнать носилок своего хозяина он не мог. Кассия обмерла, поняв, что переданный незна-

¹⁶ Древнеримский час не совпадал с современным. Римляне делили сутки на светлый и темный промежутки, а затем каждый из них – на двенадцать часов. Таким образом, в зависимости от сравнительной длительности этих промежутков зависело то, какой час – дневной или ночной – оказывался длиннее. Например, зимой дневной час мог длиться где-то около двух третей часа (в нашем понимании этого слова), а летом – около полутора часов. Общепринятого деления часа на равные промежутки (т.е. минуты и секунды) еще не было.

комцу лист может содержать донос. Если это действительно так, то за жизнь родителей нельзя дать и медного асса. Да и самой Кассии с братом вряд ли удастся уцелеть.

Более всего ее мучила мысль о том, что еще совсем недавно Этеокла можно было остановить – до того, как он вышел из дома. Остановить и проверить, что у него в руках. Кассия представила себе со всей возможной живостью, как всего лишь два часа назад вместо того, чтобы беспечно собираться в гости, ее отец мог бы поинтересоваться делами своего раба.

С Кассией происходило нечто весьма необычное. Она словно раздвоилась, и этот опыт ей был откуда-то знаком. Одна Кассия была здесь, в лавке, пристроенной к дому дяди, и сидела на скамье вместе с убитым горем отцом. Другая же находилась на два часа ранее на линии времени, в отцовском доме, и та, другая Кассия могла предотвратить несчастье. Для этого ей необходимо было сделать выбор. Отрезок времени, соединявший эти два момента, был в восприятии Кассии не прямой линией, а пучком бесчисленного числа тонких волокон. Каждое волокно означало отдельный ход развития событий. Выбрав какой-то один из них, Кассия должна была прожить его шаг за шагом, как бы скучно или неприятно это ни оказалось, и тогда она попала бы в настоящее с уже измененным участком прошлого.

«Откуда я все это знаю?», – стучал в ее голове вопрос, и вдруг Кассия вспомнила. Она делала то же самое тогда, в подвале, где ее – шестилетнюю – продержали всю ночь.

Только в тот раз она ничему не удивлялась, потому что не знала, насколько необычным было то, что она делала. Почему же никто никогда не говорил Кассии о том, что события можно менять задним числом? Вероятно, догадалась девушка, таким вещам научить невозможно. Человек должен сам к этому придти. Ведь не учат же детей ходить: когда приходит должное время, они сами этому учатся.

Итак, поняла Кассия, люди могут менять свое прошлое. Шестилетняя девочка в подвале сделала именно это, и поэтому ни отец, ни брат не помнили эпизода с проникновением детей в отцовскую спальню. Ведь такого эпизода в новом витке времени уже не было. Секст и Кассия действительно не входили без спросу к отцу и не разворачивали его одеяние. Поэтому отец и сказал ей тогда, что его тогда не была помята. Еще бы! Кассия помнила, как аккуратно она была уложена с помощью прищепок, державших сгибы. Никто ее не разворачивал, теряя прищепки, не таскал по полу и не мял.

Но, конечно, произведенное тогда Кассией изменение прошлого не могло предотвратить ареста семьи, ведь детские игры с отцовской тогой вовсе не были причиной ареста!

Кассия поняла, что если ее догадка верна и изменить прошлое действительно можно, то она обязана попытаться предотвратить встречу Этеокла с незнакомцем. Необходимо было выяснить, что содержалось на листе папируса, и кому он предназначался!

Та из двух Кассий, что находилась раньше на линии времени, взяв с собой двух рабов и оставив их у входа в спальню отца, ринулась внутрь, в нарушение всех заведенных порядков. В комнате Сексту Старшему помогал драпироваться в красивую белую с пурпурной каймой тогу его личный слуга, сириец по имени Бар-Ханина, сменивший несколько лет назад умершего Нестора. Римский всадник, собиравшийся совершить выезд на виду у людей, не мог отказаться от этого неудобного и теплого одеяния, несмотря на стоявшую в городе жару.

Кассия Луцилла отметила про себя интересное совпадение: все опять начиналось с отцовской тоги.

– Кассия! – воскликнул ошеломленный Секст, повернув к ней красное и блестящее от пота лицо. – Ты, кажется, ошиблась дверью. Влети ты сюда немного раньше, увидела бы меня в совсем уж неподобающем виде! Что за странное поведение? Если уйдешь прямо сейчас, так и быть – не буду рассказывать твоей матери.

– Отец, я не стала бы врываться к тебе без спроса, если бы не важные причины, – торопливо заговорила Кассия. – Мне необходимо сказать тебе что-то, но наедине. Пожалуйста, удали Бар-Ханину.

– Удалить? – Секст был озадачен. Тон тринадцатилетней дочери не оставлял сомнений в важности ее мотивов, но как он мог удалить раба посреди облачения в тогу? Ведь самостоятельно патриций не смог бы завершить это действие. Да-

же скинуть тогу без посторонней помощи было нелегко.

– Ладно! – нетерпеливо произнесла Кассия, поняв, в чем состоит затруднение отца. – Я подожду за дверью. Пусть только он поторопится.

И она вышла в каморку, где находилась лежанка Бар-Ханины. Двое слуг, заранее приведенных Кассией, почтительно стояли в коридоре.

Что-то в интонации ее последних слов или в выражении ее лица окончательно убедило Секста в том, что Кассия ведет себя подобным образом не из прихоти. Понукаемый им сириец быстро, хоть и в ущерб изысканности, завершил драпировку и вышел из спальни в свою каморку.

– Все трое, стойте здесь и ждите! – приказала рабам дочь хозяина. – Никуда не уходите! Вы скоро понадобится.

Лишь после этого Кассия снова вошла в комнату отца.

– Я думаю, Этеокл написал на тебя донос, – заговорила она быстро, понизив голос. Секст Кассий побледнел, его левая рука судорожно схватила в горсть ткань лиловой туники на правой части груди, которая, как того предписывал обычай, не была прикрыта тогой.

– Я боялся именно этого, – прошептал он, затем встрепенулся и с недоумением взглянул на дочь. – Но откуда ты это знаешь?

– Сейчас нет времени на объяснения. Этеокла надо немедленно остановить. Через некоторое время он передаст лист с текстом доноса какому-то человеку. Это произойдет в пе-

реулке, за три дома отсюда, если двигаться в южном направлении, и тогда уже ничего нельзя будет поправить!

– Ты видела сам текст? – спросил отец, не замечая, как дергается его щека.

– Нет, отец. Но лучше ошибиться, чем недосмотреть. Если окажется, что это не донос, я извинюсь перед Этеоклом, – недолго думая заявила Кассия, будучи уверена, что родители не допустят, чтобы их дочь так унизилась перед рабом. – Где он сейчас?

– Должно быть, в библиотеке. Я велел ему переписать текст Сафо. Хотя – зачем я это говорю? Ты же была при этом!

– Отец, поторопись! – Кассия уже не находила себе места от нетерпения. – Только не иди к нему в одиночку: он может попытаться убежать или даже напасть на тебя. За дверью тебя ждут трое рабов.

Отец бросился вон из комнаты со скоростью, которую позволяло ему величественное, но неудобное для передвижения облачение римского всадника. Кассия последовала за ним. Когда они подошли к библиотеке, Секст Старший запретил ей входить туда. Она кивнула, но подождав немного и услышав звуки борьбы, вошла внутрь.

Двое рабов держали вырывающегося Этеокла, третий – это был Бар-Ханина – с силой ударил его в живот, отчего писец обмяк и прекратил сопротивление. Сириец быстро обыскал Этеокла и вынул из складок его серовой туники лист папируса. Секст Кассий, взяв лист, пробежался по нему гла-

зами и, обратив на дочь полный ужаса взгляд, кивнул ей. Но Кассия и без этого кивка уже поняла по выражению его лица, что извиняться перед Этеоклом ей не придется.

Писца куда-то увели. Взволнованная семья собралась в атрии.

– Думаю, сегодня нам не до пиров, – молвил Секст Кассий. – Сейчас напишу Публию извинение и отправлю со слугой.

Кассия подавила порыв сказать, что Публий и его жена Метилия скорее всего уже схвачены преторианцами. Ей не хотелось быть вестницей несчастья. Дяде она решила помочь попозже – точно таким же способом, которым помогла собственной семье. Кассия опасалась, что прямо сейчас, пока она находится в собственном прошлом, ей не следует пытаться окунуться в еще более отдаленное прошлое. Что-то подсказывало ей, что такое многоступенчатое погружение может стать угрозой для ее рассудка, и она решила дождаться того мига, когда ее время догонит застывшее время более поздней Кассии – той, что находилась в лавке среди мешков с просом и зерном.

Между тем этот виток событий продолжал развиваться в своем обычном темпе, и его приходилось продолжать проживать миг за мигом.

– Кассия Луцилла, – торжественно произнес отец. – Клянусь Геркулесом, ты сегодня спасла всем нам жизнь! Мы должны принести благодарственные жертвы богам.

Но как же ты узнала о доносе?!

Кассия колебалась: могло оказаться, что в обществе не принято говорить о таких интимных вещах, как изменение прошлого. Ведь неслучайно родные до сих пор ей об этом не рассказывали. Но все выжидающе смотрели на нее, и девушка решилась.

– Я сейчас нахожусь в своем прошлом, – сказала Кассия, полагая, что эта простая фраза все им объяснит. – Не знаю, почему никто из вас до сих пор не говорил мне, что люди могут менять свое прошлое, но сегодня я додумалась до этого сама. Надеюсь, вы объясните мне причины своей скрытности.

Отец, мать и брат уставились на нее во все глаза. Наконец Секст Младший, несмотря на то, что памятование недавней смертельной опасности все еще висело в воздухе атрия, не выдержал и прыснул.

– Кассия Луцилла! – строго произнесла мать. Она, как и отец, успела одеться к выезду. В расшитой серебром бирюзовой накидке-палле поверх изящной туники с орнаментом из четырехлистников, с диадемой на шее и браслетами на узких запястьях, с темно рыжими вразлет бровями, она выглядела бы красивой, если бы не застывшая не улыбочивость белого лица. – Отец задал тебе вопрос. Изволь ответить на него без иносказаний, – ты не на уроке риторики!

Списав удивительную недогадливость членов семьи на жару и пережитое потрясение, Кассия объяснила подроб-

нее:

– Мы сегодня уже отправились в гости к дяде Публию. По дороге я выглянула из носилок и заметила, как Этеокл передал незнакомому человеку в переулке, за три дома отсюда, папирус с доносом. Я не сразу догадалась, что это донос, тем более, что Секст успокоил меня. Но потом, когда мы прибыли к дяде и узнали, что он и тетка Метилия арестованы из-за доноса раба, я испугалась, что лист Этеокла тоже мог содержать донос. Поэтому я вернулась в прошлое, чтобы вовремя предупредить отца, и сейчас это прошлое еще не закончилось.

Все вскочили со своих мест.

– Я поражен твоим поведением! – воскликнул с негодованием Секст Кассий. – Так шутить, когда речь идет о свободе и жизни моего брата!

– Кассия Луцилла, иди в свою комнату, – велела мать. – Ты проявила непочтительность к родителям. О твоём наказании мы поговорим позднее.

– Нет, Луцилла, – быстро сказал Секст Старший и коснулся руки жены. – Мы не накажем девочку. Не будем забывать, что сегодня она отвела от всех нас страшную беду. Вероятно, опасность, которой мы, благодарение Юпитеру, счастливо избежали, привела Кассию Луциллу в сильное замешательство и даже немного помутило ее сознание. Давайте уповать на то, что, когда она успокоится, ее рассудок прояснится.

Луцилла недовольно поджала губы и отвернулась, не став спорить с мужем.

Пока ждали ответа от дяди Публия, Секст Кассий распорядился, чтобы повар и его помощники накрыли стол для ужина в триклинии. Как и во многих других римских домах, здесь, если трапезы проходили в узком семейном кругу, не соблюдался древний обычай, предписывавший женщинам и детям сидеть рядом с мужчинами, возлежавшими на трехместных ложах посреди множества подушек. На обильных застольях лежать могли все члены семьи.

Правда, сейчас речь шла лишь о скромном ужине, приготовленном на скорую руку, и все уселись на стульях.

– Отец, как ты поступишь с Этеоклом? – спросила Кассия, доев свой бобовый суп, и теперь размазывая изящной серебряной ложечкой пасту из черных оливок на кусок мягкого, дорогого, очень белого хлеба.

– Дорогая, не думай об этом, – с неохотой отозвался отец. – Это не женские заботы.

– Как будто сама не понимаешь, – буркнул Секст Младший.

– Ты слышала, что сказал отец, Кассия Луцилла? – вмешалась мать. – Некоторыми делами занимаются лишь мужчины. Женщине незачем забивать себе голову тем, как ее отец, брат или супруг наказывает провинившегося раба.

– У нас нет особого выбора, дочь моя, – отец, вопреки своему предыдущему заявлению, вдруг пустился в объясне-

ния. Казалось, он делает это в пику жене. – Даже предложи я ему прямо сейчас свободу и деньги, – пока Этеокл жив, мы не сможем жить спокойно. По закону, раб – моя собственность, и я могу поступить с ним, как пожелаю. Ты ведь знаешь: обычно я стараюсь не проявлять особой суровости, но сейчас ничего другого, как воспользоваться своим законным правом, мне не остается.

В это мгновение в голове Кассии словно раздался щелчок, и две ее ипостаси вновь объединились в одну. Прошлое догнало настоящее, но в этом настоящем семейство Пармензисов находилось дома, а не в лавке, где продавалось зерно. И никто, кроме Кассии Луциллы, не знал пока о судьбе Публия и Метилии.

Кассия вдруг почувствовала, как она устала от своих опытов по исправлению прошлого. Она знала, что отправленный отцом слуга с весточкой к Публию вскоре вернется и сообщит недобрую весть. У нее не было никаких сил вторично наблюдать горе родных. Она извинилась, сославшись на то, что ей нездоровится и, сопровождаемая сочувственным взглядом отца, удалилась в свою спальню.

Кассия была так обессилена переживаниями этого вечера, что на следующий день спала до полудня. Встав, она, разумеется, узнала об аресте дяди. Домашние ходили с мрачным видом, опустив головы и избегая вступать друг с другом в разговоры. Все были одеты в темные тона, словно уже находились в трауре.

Отменились все занятия, учителя не пришли, и теперь весь день был в распоряжении Кассии.

На улице бушевал ветер, разметав остатки вчерашней жары. Порой становилось даже прохладно, но это было приятнее, чем духота и зной. Кассия, походив немного по перистиллю, вернулась в дом. Она надеялась собраться с силами, искупаться в бане, поесть и затем приступить к спасению дяди. Она не сомневалась, что ей это удастся, и поэтому не разделяла всеобщего уныния, но, чтобы не выделяться, надела в знак траура серую столу¹⁷.

Встретив между комнатами и купальной брата, Кассия спросила, что известно о дяде.

– Пока ничего. Отец отправился в тюрьму. Надеется что-нибудь выяснить. Как ты узнала об этом аресте вчера днем, раньше всех нас?

– Я все уже объяснила..., – Кассия осеклась, увидев возмущение на лице Секста и поняв, что брат по-прежнему не понимает ее. Тут ей пришло в голову, что когда она изменит прошлое, этого разговора не будет, и поэтому не так важно, что сейчас думает о ней брат. Чтобы прекратить обсуждение, Кассия добавила: – На самом деле я увидела это во сне.

Не дожидаясь отклика, она решительно продолжила свой путь в купальню в сопровождении рослой тридцатилетней британки Олуэн. Там рабыня долго массировала юную гос-

¹⁷ Стола – длинное просторное платье.

пожу жилистыми руками, после чего Кассия велела ей удалиться и спустилась в теплую, подрагивающую, зеленоватую воду бассейна, казавшуюся сейчас живым, дышащим паром существом. Поплавав немного, девушка встала, опершись спиной о стену. Поднятые ею мелкие волны бились о камень, и Кассия чувствовала, как приливает в ней волнами гордость за совершенное ею открытие.

Накопленная вчера туманящая ум усталость была смыта без остатка, и теперь Кассия могла наконец ясно и отчетливо осознавать свои чувства. Она понимала, что никогда больше не будет прежней, ибо научилась менять прошлое. И спасла всю свою семью от смерти! Этого не сможет отрицать никто из домашних, как бы строго ни говорила с ней мать, и как бы ни пытался подтрунивать над ней брат.

Кассия вдруг почувствовала легкий испуг при мысли, что другие тоже, возможно, меняют иногда ее прошлое, как это делала она сама, и что она скорее всего о таких изменениях даже не подозревает. Ведь родители и брат не помнили, что происходило с ними в отмененном витке событий. Очевидно, события отмененного прошлого помнит лишь тот, кто его стер.

Было что-то жутковатое в мысли о том, что кто-то знает о ней то, чего она сама о себе даже не подозревает. Как она вела себя в загадочных, непроницаемых для нее участках прошлого, которые могли быть отменены другими людьми? Может быть, она проявляла там необыкновенную твердость

духа перед лицом жестоких испытаний, но, не ведая об этом, все еще считает себя маленькой, худой, слабой и робкой Кассией! Или, напротив, некоторые обстоятельства выявили скрытые в ней пороки – жадность, склонность к распутству, отсутствие благочестия, – и некий человек, стерший эти обстоятельства, видит теперь ее насквозь!..

От подобной картинки Кассии стало немного не по себе, но она успокоилась, вспомнив, с каким непониманием были встречены накануне ее слова о том, что она меняет прошлое. Ей вдруг пришло в голову, что многие люди, вероятно, не догадываются об этой возможности влияния на события. Ведь Кассия и сама могла не узнать об этом, если бы не арест дяди.

Арест дяди! Кассии вдруг стало нестерпимо стыдно от того, что она медлит со спасением Публия и Метилии. Ведь их в эти мгновения почти наверняка повергали жесточайшим пыткам. Девушка решила, что она достаточно отдохнула для того, чтобы пуститься в очередное погружение в прошлое. Завтрак мог и подождать.

Приняв более удобную позу, Кассия Луцилла задумалась, с чего бы ей начать. Было непонятно, с какого момента следует менять прошлое, ведь Кассия ничего не знала о том, кем был раб Публия, написавший на него донос, и когда он это сделал. Кому он адресовал свой донос? В какую-то магистратуру¹⁸, в преторий, в городскую когорту? Как долго рассмат-

¹⁸ Магистратура – общее название многочисленных государственных должностей в Древнем Риме (консулы, преторы, эдилы и т.д.). Магистратор – государ-

ривали донос прежде, чем было вынесено решение об аресте? Центурион преторианцев сказал, что это решение сената. Кассия уже знала из разговоров взрослых, что в таких случаях сенат обычно утверждает предложения императора. Вырисовывалась следующая картина: сначала раб написал донос и нашел способ передать его кому-то, затем этот кто-то сам или по цепочке доставил сообщение раба до сведения императора, тот, возможно, сначала велел собрать данные о доходах дяди Публия или сразу, без подобной проверки, решил наложить руку на его имущество, после чего заставил сенат принять решение об аресте. Сколько же времени все это могло занять?

Почувствовав, что размышления подобного рода способны заставить ее отказаться от своей затеи, Кассия решила погрузиться в прошлое на месячную глубину, надеясь, что уж месяца-то ей наверняка хватит. Она успеет вовремя убедить отца, что ему необходимо как-то заставить дядю Публия провести обыск у всех своих рабов и выявить доносчика. Ей стало жаль, что она не узнала у Гнея, как звали доносчика. Можно, конечно, было вытереться, переодеться и пойти искать двоюродного брата, но на это не хотелось тратить время. Кассия понимала: если она не начнет действовать прямо сейчас, любое промедление может заставить ее отказаться от спасения дяди, ввиду сложности предстоящей задачи.

Ведь Кассия должна была не просто вспомнить события

месячной давности, но и заново прожить весь этот месяц, выполняя сотни и тысячи мелких и крупных действий, уже однажды ею совершенных. От мысли, что, помимо прочего, ей снова надо будет убеждать отца обыскать Этеокла, Кассии чуть не стало дурно.

Нет, колебаться далее было нельзя. Девушка прикрыла глаза и попыталась припомнить что-нибудь примечательное из тех событий, что происходили месяц тому назад. В голову пришел ужин в их доме с участием большого числа гостей. Дядя Публий так напился, что рабам пришлось унести его в бесчувственном состоянии. Днем позже – или, наоборот, раньше? – Кассия придумала изящное решение трудной геометрической задачи, и педагог в очередной раз высказал сожаление в связи с тем, что она не родилась мальчиком. В те же дни Кассия Луцилла была в сопровождении двух рабынь на Форуме, где ей понравился молодой провинциал с выразительными глазами, – Кассия питала слабость к юношам с таким, как бы говорящим, взглядом, – но тот не обратил на нее никакого внимания. Кассия тогда подумала о том, что до четырнадцатилетнего возраста, когда она станет совершеннолетней, остается меньше года, а избавиться от стеснительности и детской угловатости движений ей так до сих пор и не удалось.

Однако все это были обычные воспоминания, лишённые живости переживаемых прямо сейчас событий. Кассия чувствовала: таким образом изменить прошлое она не сможет.

Тогда, вспомнив вчерашний опыт, она попыталась вновь ощутить присутствие таинственных волокон, соединяющих прошлое и будущее, и ей это удалось.

Вскоре Кассия поняла, что уже на глубине, составлявшей примерно восьмую часть суток, волокон стало так много, а их переплетение – столь густым, – что они заняли все воображаемое пространство. Опускаться глубже было страшно. Ни о каком погружении на месячную давность не могло быть и речи! Кассия была убеждена, что она на это просто неспособна. Ее рассудок не сумеет распутать бесчисленную ткань возможных витков времени.

Девушка открыла глаза и в отчаянии ударила по воде кулаками, понимая, что со спасением дяди Публия и его жены она опоздала.

Глава 2

1 в. н.э.

*Гордость большая была, однако,
под внешностью нежной...*

Овидий

После казни брата и его жены Секст Старший взял троих детей Публия на воспитание. Собственной крыши над головой у них не было: все имущество Публия – и в Риме, и в провинции, – было конфисковано. Секст Кассий, занятый хлопотами по оформлению опеки и другими делами, почти не обращал внимания на родную дочь. Мать и брат после того ужасного дня, когда Кассия спасла их от ареста, но испугала сбывшимся предсказанием об ужасной судьбе Публия, посматривали на нее с невысказанной опаской и, казалось, избегали разговоров с ней.

Кассии хотелось поговорить с кем-нибудь о своем недавнем открытии, но она не решалась сделать это, помня, с каким возмущением и недоверием восприняли ее признание родители и брат. К тому же, если не считать учителей, Кассия в основном была предоставлена самой себе, и ей просто не с кем было поговорить по душам. Старшие мальчики – Секст и Гней – большую часть времени проводили где-то вне дома. Пульхра, оказавшись вдруг в положении бедной род-

стенницы, утратила свою былую бойкость, вела себя робко и однажды, рыдая, призналась Кассии, что, несмотря на доброту приемных родителей, чувствует себя в их доме такой же нахлебницей, как их многочисленные клиенты.

Старый наставник Строфий каждое утро уводил Агриппу в ту же начальную школу на Форуме, где когда-то так мучилась Кассия. По вечерам он снова шел туда и приводил мальчика обратно. Кассия как-то решилась намекнуть Агриппе на то, что он наверняка уже пробовал менять прошлое, и что ей он может довериться, поскольку она клянется никому не рассказывать. Двоюродный брат, изнуренный бесконечными часами школьной муштры, ничего не понял, и Кассия просто стерла этот разговор, воспользовавшись своей способностью менять прошлое.

Она начинала понимать, что другие, возможно, просто лишены ее способностей.

Между тем, однажды начав переделывать прошлое, Кассия уже не могла остановиться. Она часто делала это, снова и снова убеждаясь в том, что стертых ею событий и обстоятельств никто из их участников, кроме нее самой, не помнит. Ей особенно нравилось менять совсем недавнее прошлое, исчислявшееся порой несколькими десятками ударов сердца. Это было не так скучно, как заново проживать уже прожитое время.

Кассия не смущалась тем, что изменяемые ею события незначительны и касаются сущих мелочей – выбора платья

в лавке, отмены неосторожно сказанного слова в разговоре с матерью, и тому подобное. Отрадной была сама возможность влиять на ход событий одной лишь силою мысли, и упоение ею не могло надоесть.

Постепенно Кассии стали открываться и другие преимущества, предоставляемые странным даром его обладательнице. Она обнаружила, что можно ошибиться, а потом вернуться в прошлое и исправить ошибку; что можно посмотреть, как поступает в определенных обстоятельствах тот или иной человек, а затем вернуться в прошлое и предвосхитить его поступок, зная его наперед.

Уповая на начитанность старого Строфия, Кассия обратилась к нему с вопросом, доводилось ли ему читать или слышать истории о героях, полубогах и богах, в которых те меняли бы уже совершенные поступки, возвращаясь для этого в прошлое. Удивленный Строфий ничего подобного припомнить не мог.

– Над временем не властен никто, госпожа моя, – речь его по причине почти полного отсутствия зубов была невнятной и невыразительной, но изможденное морщинами лицо излучало такую безусловную уверенность в правоте сказанных слов, что с лихвой компенсировало недостатки дикции.

– Неужели даже могущественные боги Олимпа не властны над ним? – допытывалась Кассия. – Ни Юпитер, ни Марс, ни Квирин?

– Ни они, ни их предшественники-титаны, – авторитетно

шамкал Строфий, воздевая ладони. – Над временем не властен даже сам бог времени, нестареющий Хронос!

Возможно, решила Кассия, Строфий все же ошибается в том, что касается богов: едва ли кому-либо из людей известны подлинные пределы их могущества. Уже само их бессмертие является верным указанием на то, что они не подчинены времени, подобно людям и животным. Да и эпитет «нестареющий», по мнению Кассии, был в равной степени применим ко всем бессмертным, а не только к Хроносу, что демонстрировало определенную ограниченность представлений ученого грека.

И все же этот разговор убедил Кассию в том, что нигде в литературе и истории не содержалось сведений о ком-либо, кто владел бы способностью влиять своими мыслями на уже свершившееся прошлое. Кассия поняла – это не просто способность, вроде таланта к пению или счету. Это поразительный, несравненный дар, о котором, как кажется, все другие смертные не знают даже понаслышке!

Осознание своей исключительности усиливалось в девушке, когда она в очередной раз обыгрывала брата в кости, выбирая из густого пучка возможностей такую последовательность событий, где кости выпадают благоприятным для нее образом; когда одерживала верх над преподавателем риторики, используя в споре его же – еще не высказанные – аргументы; когда в точности предсказывала, что вскоре изменится погода, поскольку уже побывала в том будущем, где

внезапно налетает ветер со снегом.

Кассия стала забывать робкую, нескладную девочку, вздрагивавшую при виде преторианцев, испуганно оглядывалась при звуках падающих капель и вжимала голову в плечи перед ударом линейки по пальцам. Наблюдать, как уходят страхи, было для Кассии Луциллы Пармензис упоительным переживанием. Воздух переполнял грудь, и весь мир, казалось, находился у ее ног.

Размышляя о событиях прошлого, Кассия понимала, что именно арест несчастного дяди Публия и его жены толкнул ее на догадку о том, что Этеокл написал донос на ее Кассия Старшего, а без этой догадки она не открыла бы своих способностей и не спасла бы отца.

Неужели, неужели, неужели, думала Кассия, она прожила бы всю жизнь, не узнав об этом поразительном даре, если бы не гибель Публия и Метелии? Время шло, жалость к безвинно казненным родственникам постепенно притуплялась, и Кассия все отчетливее понимала: если бы боги предложили ей спасти дядю с его женой, но за это она никогда не узнала бы о своей способности менять прошлое, она бы на это не пошла!

Порой ей приходило в голову, что Публия и Метелию необходимо было принести в жертву некоему неведомому и могущественному божеству в обмен за подобный дар. Это было нелепо, ибо Кассия никакой ответственности за их смерть не несла и даже попыталась их спасти. Но, вопре-

ки всем доводам рассудка, она чувствовала, будто сама была жрицей, сотворившей жертвоприношение божеству, и – о бесчувственность! – не жалела о своем выборе.

Что это было за божество, Кассия не ведала.

За месяцы, предшествовавшие совершеннолетию Кассии Луциллы, она резко изменилась внешне. Угловатость исчезла, худое тело обрело стройность и изящную плавность движений. Лицо ее почти не изменилось – те же не совсем правильные черты, те же зеленые глаза, то распахивающиеся, то превращающиеся в щелочки, как у кошки, одна бровь немного выше другой, – но это лицо излучало теперь такую уверенность в собственной неотразимости, что действительно воспринималось таковым. Каждый шаг Кассии был грациозен, голос обрел приятную мелодичность, и она все чаще замечала восхищенные взгляды мужчин – от сыновей сенаторов до вольноотпущенников и цирковых атлетов.

– Ты теперь Пифагор, вселившийся в тело Елены Прекрасной, – говорил ей отец, удивляясь и радуясь этой метаморфозе.

Сама Кассия очень ясно осознавала случившуюся с ней перемену, пристрастившись в последнее время к разглядыванию своего обнаженного тела в зеркале и досадуя на тусклость полированной металлической поверхности. Впрочем, несовершенство отражения не могло скрыть соразмерности форм. Привыкать к таким метаморфозам было приятно. Кассия медленно водила узкой рукой от сосков до лобка,

вздрагивая и сладостно замирая, не отрывая глаз от фигуры в таинственной матовой глубине зеркала, и та своей безупречностью и томной грацией казалась ей Ледой, способной соблазнить верховного бога.

Как-то само собой получилось, что в стайке молодых девушек, с которыми водилась Кассия, она заняла с безропотного согласия остальных верховодящую роль. Какое-то время сопротивлялась Курция Прима. Не будучи в состоянии потягаться с Кассией во внешней привлекательности и уж тем более в начитанности и быстроте ума, Прима поначалу надеялась сохранить за собой преимущество в гимнастическом зале, прежде бывшее неоспоримым. Однако ей пришлось уступить и в этом.

Прежде болезненная, склонная к простудам Кассия уже много месяцев не только не болела, но была переполнена поразительным ощущением радости жизни. Девушка переживала его так же, как, вероятно, дискбол переживает свою силу и точность броска. Это чувство вибрировало и пенилось в Кассии молодым шипящим вином, и трудно было понять, где заканчивается радость души и начинается упоение тела. Она стала одерживать верх над подругами в беге, прыжках, игре в мяч, в борьбе. И Прима, и ее сестра, Курция Секунда были старше Кассии и раньше казались ей крепкими и ловкими. Теперь же Кассия не могла понять, как могла когда-то так думать: ее преимущество в силе, быстроте и точности любых телесных упражнений было столь очевидным,

что вскоре среди подруг у Кассии Луциллы не осталось соперниц.

* * *

В год третьего консульства Гая Цезаря – позже Кассия назвала бы его 40-м годом по летоисчислению христиан – младший Секст Кассий и Кезон Курций отправились служить в составе Пятнадцатого легиона Фортуны Перворождённой, расквартированного вблизи Среднего Рейна. Через месяц императорская почта доставила из лагеря Преторий Агриппины письмо от Секста. Его отец велел своему племяннику и приемному сыну Гнею зачитать его вслух в присутствии всей семьи.

Кассия, слушая о боях с германцами из племен хавков и хаттов, думала об опасностях, угрожающих брату, и о том, что если бы она находилась рядом с ним, она могла бы предотвратить их, меняя недавнее прошлое. Впрочем, могло сложиться и так, что стрела врага достигла бы Кассию раньше, чем она успела бы найти нужную последовательность событий среди несметного числа возможных. Умом Кассия понимала, что и такое возможно, но эти соображения не могли затмить чувств, а чувства говорили ей, что она всесильна.

У Кассии возникла новая привычка. Она теперь совершала длинные прогулки по Вечному городу в сопровождении одной лишь Олуэн. Долгие пешие переходы даже по самым

труднопроходимым, шумным плебейским районам Рима теперь не утомляли и не пугали ее. Родители пытались говорить с ней о неразумности такого поведения. Она не спорила, лишь иногда мимолетно улыбалась правой половинкой рта, и было в ее взгляде что-то такое, из-за чего ни мать, ни отец ни разу не решились на прямой запрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.